

Дарья Донцова

Рейс-контроль на главную роль

Любительница частного сыска
Даша Васильева

**Великолепная
восьмерка**

от Дарьи Донцовой

**НУЖНО
СОБРАТЬ
САМОМУ!**

Дарья Донцова
Фейсконтроль на главную роль
Серия «Любительница частного
сыска Даша Васильева», книга 32

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=165043
Фейсконтроль на главную роль: Эксмо; Москва; 2008
ISBN 978-5-699-27578-6

Аннотация

Сенсация! Найден старинный манускрипт, за которым охотились многие историки, и в том числе муж Нины Лаврентьевой, подружки Даши Васильевой... Но он, вычислив местоположение тайника, где почти сто лет хранилась уникальная библиотека Панкрата Варваркина, не рискнул в него залезть. По легенде, на вход в пещеру наложено ведьмино заклятье. Зато на это решилась Нина – уж очень ей нужны были деньги, а раритеты стоят миллионы! Проклятье свершилось – Лаврентьева впала в кому. И вот ужас, лечить ее явилась... та самая ведьма. Но ее ведь давно нет в живых! Тогда каким образом на звонке в доме мог появиться отпечаток пальца усопшей старушки? Нет, что-то тут не так... Любительница частного сыска как в омут с головой кидается в расследование. Во-первых, надо выяснить,

что за болезнь так внезапно поразила Лаврентьеву, во-вторых, раскрыть тайну заклатья, в-третьих...

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	18
Глава 3	29
Глава 4	42
Глава 5	56
Глава 6	68
Глава 7	80
Глава 8	95
Глава 9	107
Конец ознакомительного фрагмента.	114

Дарья Донцова Фейсконтроль на главную роль

Глава 1

Не бывает людей, с которыми легко жить...

– Идиот! – заорала Зайка. – Никаких сил нет это терпеть!

– Тебе, пожалуй, пора выпить валерьянки, – с напускным спокойствием сказал Аркадий. – Если человек перестает понимать шутки, значит, он умер.

– Ну Кеша! – вклинилась в разговор Маша. – Она же не знает, нужны ли дрова! Вдруг нужны?

– В принципе, – засмеялся брат, – глупость украшает женщину. Вот предложи мне кто выбор между умной дурнушкой и дурочкой-красоткой, я, не колеблясь, выберу второй вариант.

Воцарилась тишина. Потом до меня донесся оглушительный хлопок, треск, звон... Я на всякий случай натянула одеяло на голову. Можете считать мою позицию пораженческой, но я абсолютно уверена: во время семейных скандалов лучше всего притвориться мертвой. Я очень не люблю ругаться. Может, из-за слабых голосовых связок? Я не способна тру-

бить, как атакующий слон, поэтому предпочитаю помалкивать. Есть и еще одно соображение, заставляющее меня не вмешиваться.

Поясню на примере. Зайка сейчас обозлилась на Кешу. Из-за чего? Скорей всего, последний подшутил над ней, а Ольгу иногда подводит чувство юмора. Если я побегу вниз и вмешаюсь в их ссору, то придется принять чью-то сторону, защищать одного и порицать другого. Предположим, из женской солидарности я поддержу Заюшку, и тогда на меня обидится Аркашка; если попытаюсь объединиться с ним – надуется Ольга. Потом они помирятся и решат, что скандал спровоцировала именно я, в недобрый час надумав примерить на себя тогу миротворца.

Ну уж нет! Затаиться под одеялом и прикинуться спящей – вот лучший способ дожить до старости без потрясений. Одна беда, меня сейчас будут вербовать в союзники.

В коридоре раздались легкие шаги, дверь в спальню распахнулась, послышался нервный голос Заюшки:

– Спишь?

– М-м-м... – промычала я.

– Дрыхнешь или нет? – не успокаивалась Ольга.

– Пребываю в объятиях Морфея, – соврала я. – Ничего не вижу и не слышу. Что-то случилось? Лопнула труба? В доме закончилось топливо, а нам отрубили электричество? У Хуча понос?

– Твоя реакция наглядно демонстрирует твое пофи-

гистское отношение к людям, — не замедлила завестись Заинька. — Я вхожу, задаю тревожные вопросы. Нет бы тебе забеспокоиться, вскочить, забегать...

Я промолчала. Ну какой толк от женщины, которая в минуту опасности сумасшедшей курицей начнет метаться по дому, восклицая: «Что случилось? Что делать?» Логичнее постараться сохранить хладнокровие и трезвость мышления. Да и семейную склоку между нашим адвокатом и телезвездой никак нельзя отнести к разряду национальных трагедий.

— А ты вспомнила о протечках, — продолжала возмущаться Ольга, — об аварийном освещении и собаке! Конечно, я обожаю Хуча, но есть вещи поважнее поноса у мопса! Тебе даже в голову не пришло поинтересоваться: «Олечка, ты не заболела?...»

Я сдержала вздох. Больной человек так не орет.

Ольга всхлипнула и убежала. Ну вот, все равно я буду виновата!

Я откинула одеяло. Интересно, что на этот раз отмочил Кеша? В субботу он положил в карман Ольгиного пальто тяжелый брусок, на котором Ирка точит ножи, а когда Ольга возмутилась, с абсолютно серьезной миной заявил: «На улице сильный ветер, я беспокоился, как бы тебя, круглый год жующую одну капусту, не унесло ураганом».

Дверь в комнату опять начала тихо открываться, я живо юркнула под одеяло.

— Мать, ты спишь? — поинтересовался Кеша.

Удивительно, почему Ольга с Аркашкой постоянно ссорятся? Они очень похожи, даже одинаковые вопросы задают, вторгаясь без приглашения в чужую спальню.

– Дрыхнешь? – не унимался Аркадий.

– М-м-м... – Я решила следовать избранной тактике.

– Тебе не интересно, что происходит у нас в доме?

Я растерялась. Отвечу «нет» – прослышу эгоисткой, скажу «да» – моментально окажусь в центре конфликта. Как поступить?

– М-м-м, – вновь промычала я. В конце концов, этот звук можно трактовать по-разному, пусть Аркаша расценивает его как «да» или «нет».

– Люди делятся на хороших и плохих, – неожиданно заявил Кеша. – Первые никогда не мучаются бессонницей, а вот вторые получают много, так сказать, удовольствия в часы длительного бодрствования. Советую подумать над этим!

Створка стукнула о косяк, я высунула нос наружу и тяжело вздохнула. Если в вашей семье есть адвокат, будьте готовы выслушивать занудные и непонятные сентенции... И все-таки я молодец, ухитрилась не встать ни на чью сторону! Сейчас домашние разъедутся по делам, а я спокойненько отправлюсь в магазин «Рай для животных» [Название придумано автором. Все совпадения случайны.] – надо пополнить запас собачьих консервов.

– Мамуся! – донеслось с порога.

Я машинально схватила за одеяло.

– Не прячься, – захихикала Машка, – отмена боевой тревоги. Знаешь, из-за чего наши поцапались?

– Нет, – ответила я, – но, предполагаю, что имелся достойный повод.

Маня прищурилась.

– На днях у нас сломалась СВЧ-печка.

– Вот как? А я и не заметила.

– Сегодня рано утром приехал мастер, – продолжала дочь. – Стал он в агрегате ковыряться, а тут подлетает Зайка и кокетливо так спрашивает: «Вы не продадите мне микроволновые дрова?»

– Прикольно! – воскликнула я.

Машка кивнула.

– Мастер растерялся, а Зайка говорит: «У нас запас кончился, те, что мы при покупке печки получили, иссякли». Ну тут парень начал ржать!

– Понимаю, – улыбнулась я, – это работа Аркадия.

– Точно, – развеселилась девочка. – Кешка, как выяснилось, сказал Зае: «СВЧ-печки топятся специальными микроволновыми дровами, небольшое их количество дают при покупке прибора. Когда запас кончается, приезжает ремонтник. Но ему запрещено давать хозяевам поленья». Зайка поинтересовалась, почему. Тогда Аркашка заявил: «Фирмы-производители заинтересованы, чтобы люди покупали новые модели печек. Представляешь, какой геморрой нас ждет? Печка встроена в шкаф, придется короб ломать, а но-

вый из Италии девяносто дней ждать. Да еще рабочих надо нанимать. Кстати, сейчас июль, а в августе у итальянцев отпуск... В общем, греть нам еду до середины осени на газу. Есть, впрочем, выход. Когда приедет механик, попроси у него чуть-чуть полешек. Тебе, телезвезде, он не откажет». Вот Зайка и пустила в ход свое обаяние, очень уж ей не хотелось ремонт на кухне затевать!

Я тихо посмеивалась, слушая Маню. Теперь понятна причина возмущения Ольги. А Кеша, очевидно, сообразив, что жена разозлилась на его очередной розыгрыш, прибежал ко мне, желая заручиться поддержкой.

– Ирка, – донесся с первого этажа гневный окрик, – почему в кладовке на полу валяются шкурки от апельсина?

– Дело плохо, – перешла на шепот Машка, – Зая решила заняться домашним хозяйством. Помнишь, что случилось, когда она в прошлом году стала разбирать кухонные шкафы?

Я поежилась:

– Разве такое забудешь!

– Ой, ой, ой, – засуетилась Маруська, – мне пора, тороплюсь в город... э... э... по делу! Очень спешному, боюсь опоздать!

– Подожди немного, и поедем вместе, я сама собралась за собачьим кормом.

– Нет, – замотала головой Маня. – Пока ты умоешься, оденешься, кофе попьешь... Лучше побыстрее ноги унести, слышишь?

Я кивнула. Похоже, в столовой набирает обороты торнадо. До второго этажа долетел негодующий голос Зайки:

– В доме феерический бардак! Ну, слава богу, теперь у меня есть время. Я свободна целый месяц. Иван! Кто положил батарейки на полку с запасами крупы?

– Дарь Иванна, – пробасил в ответ садовник.

Я онемела. Какие еще батарейки? Я ими не пользуюсь! Даже не знаю, какой стороной их засовывать во всякие там пульты, будильники, калькуляторы! Помнится, для этого необходимо знать физику, ну где там плюс, а где минус. Нет-нет, это не моего ума дело!

– А чай! – гневалась Ольга. – Тут зеленый в одной банке с черным!

– Дарь Иванна перемешала, – мигом сдала меня Ирка.

Я подпрыгнула на кровати. Ай да Ира! Вроде и не соврала, но на самом деле сказала вопиющую неправду. Пару дней назад я приобрела несколько упаковок чая. Если честно, мне просто понравились жестяные коробочки с изображением очаровательных кошек. Вот я и подумала: «Когда чай закончится, заберу банки в спальню и буду складывать в них всякую мелочь». Но по дороге от гаража к дому я уронила пакет. Банки раскрылись. Содержимое высыпалось. Поэтому я попросила Иру выбросить смешавшийся в пакете чай, а жестянки оставить.

Но домработницу жалко выкинуть, как пустую бутылку из-под растительного масла. Одно время Ирка собирала в

них яичную скорлупу, мотивируя свое странное поведение оригинальным заявлением: мол, в ней кальция много, нет нужды приобретать дорогие добавки, а если скорлупки помыть, высушить, раздробить в кофемолке, получится витамин. И еще добавила: «Если деньги постоянно расшвыривать, отправляя на помойку полезное, – умрешь в нищете».

Понимаете, почему Ирка не выполнила мое указание и сыпала чайную смесь в банки, а не отправила в мусорное ведро? Не удивлюсь, если она заваривает зелено-черный чай для «непарадных» гостей. Если вы живете в собственном доме, то раз в месяц непременно позовете сантехника, электрика, кровельщика. А еще к вам наверняка заглянут охранники поселка, доставщики почты, уборщики мусора и так далее. И все они, как правило, жалуются: «Ох и устали же, добираясь до вас!» Элементарное воспитание требует в таком случае предложить рабочему человеку перекусить.

– А груды оберток из-под конфет тоже Даша велела тут бросить? – не унималась Зая.

– Нет, это Маша! – в один голос заявили домработница и садовник.

Я обвалилась в подушки. Все верно, муж и жена – одна сатана!

– Ну, я побежала, – зашептала Маня, – меня Кеша подбросит.

Я посмотрела вслед умчавшейся Машке и только сейчас оценила масштаб катастрофы: у Зайки отпуск! Ольга не по-

едет на работу, она останется дома. И намерена привести в порядок запущенное, на ее взгляд, хозяйство.

– Я улетела! – закричала из холла Машка. – Вернусь очень-очень-очень поздно! У нас... э... э... научный эксперимент по выживаемости крыс!

– Всем пока! – подхватил Аркадий. – Вот беда, меня спешно вызвали к клиенту! Маруська, в машину!

– Ни сна, ни отдыха служивому человеку, – загремел Дегтярев. – Стоит только запланировать себе выходной, как в отделе шабаш начинается. Все! Я укатил! К генералу вызвали!

Я, стряхнув оцепенение, ринулась к шкафу. Хитрые домоладцы бегут в разные стороны, и только я, как всегда, опоздала. Сейчас до Зайки дойдет: ее оставляют в одиночестве, и мне не удастся улизнуть.

Дверь спальни приоткрылась, я похолодела. Ну вот, не спаслась. Ольга на пороге! Но из коридора донеслось нервное посапывание.

– Хучик... – выдохнула я. – Ну и напугал ты меня...

Мопс, не обращая на меня внимания, деловито пересек комнату и, кряхтя, залез в распахнутый шкаф. Тут же появилась Черри – престарелая пуделиха юркнула в ванную. Принесшаяся йоркшириха Жюли живо отыскала себе убежище – угнездилась в кресле за подушкой. Хуже пришлось Банди и Снапу – пит с огромным трудом заполз под мою кровать, ротвейлер шмыгнул за занавеску и попытался притворить-

ся крохотным трепетным хомячком. Даже собаки оказались проворнее меня, залегли в укрытия, почуяв собирающуюся грозу.

– Я поехала за водой, – заверещала Ирка, – у нас минералка закончилась.

– Я тебе помогу, – проявил невиданное рыцарство Иван, – не следует бабе тяжести таскать. Все, в супермаркет порулили! Вернемся к ужину! Очередя повсюду – смерть прямо! Долго простоим!

– И пробки на шоссе, – быстро добавила Ирка.

В ответ из кухни раздался оглушительный звон. Похоже, Зайка уронила на пол тарелку. Хуч тихонько завыл, я схватила сумку и на цыпочках выползла к лестнице. Господи, если я сумею незамеченной выбраться наружу, непременно брошу курить...

Благополучно выехав за ворота Ложкина, я вытащила пачку сигарет и чиркнула зажигалкой. Каких только дурацких обещаний не даст человек в минуту опасности! Ладно, составим план действий: сначала я еду в магазин за собачьими консервами, потом...

Плавное течение мыслей нарушил звонок мобильного. Я схватила трубку, сказала: «Алло» и тут же испугалась – вдруг звонит Зайка?

Но услышала другой знакомый, чуть хриплый голос:

– Дашута! Привет!

– Нинуша! – обрадовалась я. – Как дела?

– По-разному, – неожиданно серьезно ответила Нина, чем немного напугала меня.

С Ниной Лаврентьевой я познакомилась очень давно – и ее, и меня вызвали к заведующей детсадом, в который ходили наши дети. Повод был серьезный: Аркадий и Арина, дочка Нины, подрались с особым остервенением. Но еще хуже оказалось другое. Времена стояли советские, в магазинах полки были пусты, а дети ухитрились разбить чуть ли не всю посуду. Вот грозная начальница детсада и заявила нам категорично:

– Покупайте новые тарелки и чашки!

Мы с Ниной попытались отделаться денежным эквивалентом, но обойтись малой кровью не удалось, пришлось гонять по Москве и области с высунутым языком в поисках сервиза. Не стану сейчас рассказывать страшилку про тотальный дефицит, незачем пугать людей. Тем более что в плохом, как обычно, нашлось нечто хорошее: в процессе охоты за посудой мы с Ниной обнаружили общность взглядов и подружились.

Укреплению наших отношений немало способствовал тот факт, что я и Лаврентьева практически занимались одним делом – вбивали в студенческие головы знания. Я растолковывала недорослям основы французской грамматики, а Нина пыталась просветить молодежь в области истории. Мы очень похожи и внешне: обе субтильные блондинки с голубыми глазами, любим животных, имеем кучу родственников

и не выносим скандалы. И со мной, и с Ниной в жизни произошли настоящие чудеса. Я, после того как Аркадий и Маня стали наследниками барона Макмайера [Подробнее об истории семьи Даши Васильевой читайте в книгах Дарьи Донцовой «Крутые наследники» и «За всеми зайцами», издательство «Эксмо».], превратилась в бездельницу и не скрываю своей радости по данному поводу. С Ниной же случилась поистине рождественская история: в девяностых она выиграла в казино большую сумму денег. Никогда ранее Лаврентьева азартными играми не увлекалась, и что ее потянуло в обитель «одноруких бандитов», она внятно объяснить не могла. Мне Нина описала ситуацию так:

– Шла мимо сияющего огнями здания, настроение было отвратительное, в кармане две последние копейки, и тут тихий внутренний голос прошептал: «Иди, любимая, поставь на двенадцать. Только не перепутай цифру!»

И Лаврентьева послушалась. Кстати, она до сих пор не понимает почему. Внутренний голос весь вечер подсказывал Нине выигрышные комбинации, и к утру моя подруга превратилась в миллионершу. Если учесть, что дело происходило шестого января, то в голову начинают лезть всякие мистические мысли. Самое интересное, что хозяева заведения не обманули наивную посетительницу, более того – даже помогли ей. Самый главный босс завел Нину в свой кабинет и сказал:

– Видал я всякое! Тебе просто повезло. Не ходи сюда

больше, такое везение бывает раз в жизни, лучше подними на выигранные деньги бизнес. Подумай, чем хочешь заняться, у нас тут в посетителях полно разного люда, я сведу тебя с нужными человечками...

Вот так и решилась Нинина судьба. Не колеблясь, она ответила:

– Открою собственный вуз.

И теперь у нее частное учебное заведение. Известное и престижное.

Глава 2

– Ты не поверишь, – возбужденно зачастила Нина, – у нас приключилась волшебная история.

Я, только что вспоминая про казино, засмеялась:

– Рассказывай.

– Эрик нашел тайник! – заорала Нина.

– Врешь! – выпалила я. – То есть, извини, ты ошибаешься.

– Ни на секундочку, – перешла на тон ниже Лаврентьева.

– Значит, Эрик был прав. А мы над ним посмеивались... – изумилась я.

Конечно, вы ничего не понимаете. Сейчас растолкую суть дела.

При всей схожести между мной и Ниной есть одно кардинальное различие. Я многократно выходила замуж и каждый раз наступала на пресловутые грабли – все мои браки закончились крахом. В конце концов пришлось признать: мне лучше существовать без супруга. Странное дело, я совсем даже неплохой друг, много лет терплю Дегтярева, отлично понимаю, что сама не являюсь образцом для подражания и снисходительна к заскокам Александра Михайловича. Но если представить на секунду, что бравый боец с преступностью станет моим супругом... Делайте ставки, господа, сколько дней продлится наше совместное проживание? Лично мне кажется, что мы и недели вместе не протянем!

А Нинуля всю жизнь живет с Эриком. И, если честно, меня сей факт весьма удивляет. Можно ли считать хорошим супругом человека, который постоянно отсутствует дома? Впрочем, я не права, Эрик как раз практически не выходит из квартиры. Да-да, физически он постоянно в семье, но...

Эрик с Ниной познакомились будучи студентами, и она сразу влюбилась в парня. Однако для меня до сих пор остается загадкой, коим образом моя подруга ухитрилась затащить избранника в загс. Понимал ли Эрик, на что идет, и вообще, знает ли он в настоящее время, кем ему доводится Нина? Потому что Эрик – классический экземпляр ученого, о которых пишут в романах, то есть абсолютно не приспособленный к жизни, близорукий, начисто лишенный здравого смысла человек, плохой муж и никакой отец.

Думается, наш профессор до сих пор не в курсе, кто у него родился: мальчик или девочка. В доме Эрик столь же бесполезен, как и кот Венедикт, безобразно толстый представитель британской породы. Впрочем, я несправедлива к Венедикту, иногда котище, покрытый плотной блестящей шерстью, выпадает из нирваны и может с вами поиграть, помурлыкать. А Эрик сидит в своем кабинете и строчит книги. Он защитил все возможные диссертации, получил множество научных званий и килограммы регалий. Когда у Нины не было собственного дома, Лаврентьевы снимали квартиры, и всякий раз переезд из одной в другую проходил одинаково: сначала Нина и ее маленькая дочь Арина, отдуваясь,

перетаскивали сумки, затем дочка торжественно выносила перевозку с котом Мурчиком (Венедикт появился позже), а мама выводила Эрика, который недоуменно вопрошал: «Что происходит? Верните меня в кабинет, я не дописал главу!»

Стоит ли упоминать о такой мелочи, как финансовое благополучие? Увы, в России ученые, если, конечно, они не работают на оборону, получают копейки, оклада Эрика едва хватало на соль, хлеба на него уже нельзя было купить. Когда Нина основала институт и стала ректором, она записала мужа в заместители по научной работе. Сейчас Лаврентьев сидит на большом окладе, и в конце каждого месяца в семье разыгрывается комедия. Эрик получает в бухгалтерии конверт, расписывается в ведомости и торжественно несет жене ее же деньги.

– Солнышко, – говорит профессор, – это тебе на хозяйство.

Нинуша многословно благодарит супруга и демонстративно кладет купюры в ящик письменного стола. Одно время я сомневалась: неужели доктор наук не понимает, что огромную сумму ему платит собственная супруга? Но потом убедилась: Эрик – сущий ребенок, как все дети, он эгоистичен и занят лишь собой. Впрочем, справедливости ради следует отметить: Лаврентьев не жаден, не делает заначек, не конфликтен, не притязателен ни в еде, ни в одежде, считает Нину авторитетом во всех вопросах, никогда с ней не спорит, не имеет собственного мнения, не изменяет жене, и вообще

он шагую не ступит без ее согласия.

На моей памяти Эрик лишь однажды устроил скандал, и это было связано с выбором места под строительство загородного дома Лаврентьевых. Нина приглядела замечательный участок в относительно тихом месте – в лесу около озера. Подруга настолько была уверена в согласии мужа на облюбленный ею участок, что даже не рассказала ему о том, где возведут здание. А вот мне, приехавшей в гости, Нина принялась демонстрировать фотографии местности. Во время изучения снимков в гостиной раздался голос Эрика:

– Я категорически против.

Я от неожиданности икнула, а Нина с изумлением спросила:

– Милый, что ты сказал?

– Я категорически против, – решительно повторил муж.

– Против чего? Строительства дома? – оторопела она. – Боишься хлопот? Не волнуйся, я сама решу проблемы с рабочими.

– Мне не нравится участок, – заявил профессор. – Я давно нашел другой.

На короткое мгновение Нина лишилась дара речи, затем осторожно осведомилась:

– Что ты сделал?

– Минуточку... – буркнул ученый и, проявив небывалую прыть, побежал в кабинет.

– Он заболел? – в ужасе повернулась ко мне Нина.

Я растерянно пожала плечами, но ответить не успела – Эрик примчался назад с картой Подмосковья под мышкой.

– Смотрите внимательно, вот деревня Киряевка, – захлебываясь словами, затараторил Лаврентьев. – Я хочу жить там!

– Милый, – нежно возразила Нина, – оцени, в какое захламление ты нацелился.

– Это совсем близко, – не дрогнул муж, – двадцать пятый километр от столицы.

– По Ленинградке! – фыркнула я. – Эта магистраль постоянно забита. Да еще в сторону от нее сколько ехать!

– Киряевка... – подхватила Нина. – Ничего себе название!

– Сомневаюсь, что вам удастся провести в новое здание водопровод и газ, – в унисон ей пела я. – Эта, извините за выражение, Киряевка – богом забытая деревенька, вокруг ничегошеньки, кроме леса, нет. Нина нашла место намного лучше.

– Нет! – стоял на своем Эрик.

– Послушай, – Нина, не привыкшая к возражениям мужа, начала выходить из себя, – чем тебе это идиотское село приглянулось?

Эрик ткнул пальцем в карту.

– Здесь есть кладбище.

– Вот здорово, – воскликнула я, – жизнь у погоста! Хотя, если с другой стороны посмотреть, там тихо. Ну разве какое

привидение забредет, завоюет в полночь под окном.

Эрик сердито зыркнул на меня:

– Заткнись! Дай сказать!

Я прикусила язык. Похоже, профессор впал в крайнюю степень возбуждения, до сих пор он никогда никому не грубил.

– Солнышко, может, врача вызвать? – забеспокоилась Нина.

Эрик набычился.

– Я пишу книгу про историю рода Варваркиных, – завел он голосом лектора, – меня давно интересовала эта семья, корнями уходящая в десятый век.

– Офигеть! – пискнула Арина, до сей поры молча наблюдавшая за скандалом.

– Последний представитель семьи Панкрат Варваркин, – не обращая внимания на дочь, продолжал Эрик, – был книголюб, хранил уникальную коллекцию изданий, собранных его дедом и отцом, но никому ее не показывал. Старинные тома требуют особых условий содержания, им вредны яркий солнечный свет и высокая влажность, поэтому коллекционер построил в усадьбе специальное хранилище, куда не допускал ни одного постороннего. Современники говорили, что собрание Варваркина лучшее в мире.

– Но как они могли судить о нем, если хозяин не демонстрировал книги? – задала справедливый вопрос Арина.

– Варваркины составили каталог коллекции, – терпеливо

пояснил отец, — подробно описали все сокровища.

— Фу! — поежилась Арина. — А вдруг они все придумали?

— И как тебе такое пришло в голову! — возмутился историк. — Ученые никогда не лгут.

— Ага, а ангелы не пишут, — захихикала Ариша. — Папа, соврать способен любой, в особенности если хочет прославиться.

Эрик на секунду зажмурился, а потом сурово сказал:

— Считаю, я не слышал твоего заявления! Иначе я могу разочароваться в дочери.

— О, так, значит, ты помнишь, кто я, — с подростковой вредностью констатировала Арина. — Это радует. Обрати внимание, я не требую назвать мой возраст и озвучить имя, просто счастлива, что отец, великий человек, помнит: у него есть дочь. Кстати, кто из двух присутствующих тут блондинок твоя жена?

Эрик уставился на Нину, щеки его покраснели.

— Арина, замолчи! — гневно оборвала девочку мать.

— Отлично, ма! — сказала дочь. — Я нема, глуха, слепа, тупа и полна почтения к великому человеку — своему отцу.

Эрик, не обращая внимания на откровенное хамство Арины, продолжил:

— Панкрат обладал уникальными произведениями. Таковыми, о которых ранее никто не знал. Ну, например, «Летописью монаха Аристарха». Это потрясающий документ. Взглянуть на него — мечта любого историка.

– Папа, – снисходительно усмехнулась Арина, – если никто ничего о рукописях не слышал, в глаза их не видел, то почему ты решил, что они были у этого дядьки?

– Карточки! – менторски поднял указательный палец родитель. – Я проделал гигантскую работу и обнаружил в архивах каталог библиотеки Панкрата.

– Оупеть! – отозвалась в своем духе Арина.

– Более того! – вдохновенно вещал Эрик. – Я знаю, где искать сокровище!

– Папуля, – неожиданно ласково спросила Арина, – а когда умер Пафнутий?

– Панкрат, – поправил отец.

– Однофигственно, – отмахнулась девочка. – Он что, жив?

– Панкрат уехал из России в тысяча девятьсот двадцатом году, – сообщил Эрик. – Ему бы следовало бежать раньше, но коллекционер прятал книги, оборудовал тайник. Лишь тщательно схоронив раритеты, он подался во Францию. К сожалению, до Парижа Варваркин не добрался, умер на пути в Одессу от тифа.

– Печально, – кивнула Нина. – Но при чем тут Киряевка?

– Вопрос по сути, – кивнул Эрик. – Я предполагаю, вернее, абсолютно уверен: библиотека находится неподалеку от деревни, рядом с бывшим поместьем Варваркиных.

– Понятно. И ты хочешь поселиться рядом с тем местом, где, возможно, хранится богатство, – резюмировала Нина.

– Я не нуждаюсь в деньгах, – напомнил ученый. – Мой

долг вернуть России культурные ценности. Придется долго и кропотливо трудиться, я не смог точно вычислить координаты библиотеки.

— Я не хочу жить в каком-то медвежьем углу из-за папиных капризов, — взвилась Арина. — Как мне оттуда на учебу ездить?

— Очень удобно, — заявил Эрик, — я вовсе не такой уж неприспособленный к жизни, каковым ты меня считаешь! От Киряевки ходит автобус, два раза в день, в шесть утра и восемь вечера. Идет до станции, а там электричка.

— Ты всерьез? — заморгала Арина. — Прикажешь мне вставать в полпятого? Зимой, осенью, весной? В темноте переть на остановку? А если автобус сломается? Самому-то в город надо раз в месяц ездить! Эгоист!

— Это ты самовлюбленная девчонка, — отбил подачу папа. — Речь идет о деле всей моей жизни!

— И о моей учебе, — надулась Арина. — Искать то, чего никто не видел и чего, скорей всего, нет в природе, просто идиотизм! Лучше бы ты, как отец Кати Виноградовой, водкой торговал. Тот Катюхе машину подарил!

Понимая, что сейчас на моих глазах разразится семейный скандал, я откланялась и убежала.

Спустя месяц после этого разговора Нина начала в Киряевке строительство особняка. Большой дом быстро не возвести, работы шли четыре года. Когда была повешена последняя занавеска, Арина уже закончила школу, вышла из воз-

раста щенячьей вредности, обзавелась кавалером и без всяких скандалов перебралась в Подмоскovie. Нина купила дочери малолитражку, поэтому вопрос о поездках на автобусе и электричке отпал. К тому же оказалось, что Киряевка совсем неплохое место. Несмотря на мои опасения, там имелись водопровод, газ, электричество и даже городской телефон с Интернетом. Конечно, Ленинградка превратилась в ад, поток машин стоит на ней плотной массой, но ведь движение затруднено по всем столичным магистралям. Особенно на Садовом кольце или Тверской. Несчастные обитатели Центрального округа вынуждены часами мучиться, мечтая выехать за его пределы. Причем кислорода в центре нет, а в Киряевке изумительный воздух, зимой он несет аромат антоновских яблок, а летом – жасмина, сирени, тюльпанов, нарциссов.

Жизнь Лаврентьевых теперь течет вполне мирно, Нина руководит институтом, Арина работает, Эрик бегают по окрестностям Киряевки, пытаюсь отрыть – в прямом смысле слова! – бесценное собрание книг. После долгих лет, которые ученый посвятил поискам, логично было прийти к выводу: Панкрат Варваркин либо распродавал библиотеку, либо врал о ее существовании. Иначе почему до сих пор нигде не всплыли издания, описанные в пресловутом каталоге? После смерти Панкрата прошло почти сто лет, наследников у Варваркина не осталось, так где книги? Неужто лежат в укромном месте?

«Их просто и не было», — решили все, знавшие об этой истории, и успокоились. И только профессор постоянно вычислял все новые и новые координаты тайника, но, увы, каждый раз терпел сокрушительную неудачу.

— Чем бы дитя ни тешилось, лишь бы не плакало, — философски отвечала Нина на мой дежурный вопрос о делах ее мужа. — Пусть ищет, занят чем-то — и ладно.

И вот сейчас Лаврентьева в ажиотаже сообщила:

— Эрик обнаружил библиотеку.

— Не может быть, — ахнула я.

— Я сама не поверила! — еще громче закричала она. — Да, ему это удалось! Хочешь к нам приехать?

— Уже лечу! — завопила я. — Минут через сорок буду в Киреевке.

— Не задерживайся, — попросила Нина.

Я, начисто выбросив из головы мысль о собачьих консервах, вырулила на шоссе и понеслась прочь от Москвы. По «бетонке», некогда секретной, закрытой военной дороге, а теперь самой обычной магистрали, я доберусь до Ленинградки намного быстрее, чем по МКАД.

Глава 3

Киравка лажит в низине, и когда въезжаешь на пригорок, деревенька оказывается как на ладони: штук тридцать избушек разной степени убогости и чуть поодаль от них добротный двухэтажный дом под черепичной крышей с мансардой. Особняк Лаврентьевых сильно уступает дворцам, которые возвышаются на Рублево-Успенском и Подушкинском шоссе (последнее не столь известно широкой публике, но превосходит первое по стоимости сотки земли). Да и наш дом в Ложкине выглядит богаче, но на фоне сельских построек коттедж Нины похож на замок. Самое интересное, что у Лаврентьевых нет никаких трений с местными жителями. Впрочем, в последние годы население Киравки неумолимо сокращается.

– Похоже, скоро мы останемся в гордом одиночестве, – печально заметила Нина, когда я в последний раз приезжала в гости. – Только вот не пойму, почему сюда еще не добралась какая-нибудь строительная корпорация? От Москвы не так уж и далеко, сейчас коттеджные поселки и за сто километров возводят.

– Радуйся тишине и покою, – остановила я подругу, – а то накличешь беду: прикатят экскаваторы, краны, вагончики с рабочими, и начнется в Киравке шабаш. Мало в Подмосковье таких заповедных, нетронутых уголков.

– Твоя правда, – согласилась Нина. Но тут же добавила: – И все-таки одним жить некомфортно. Мы же не волки! Народ здесь вымирает, кто от старости, кто от пьянства, а молодежь уезжает в город.

Я припарковала машину в просторном дворе, вошла в холл дома и чуть не наступила на кота Венедикта, который нагло развалился у галошницы.

– Мяу, – лениво отозвался Веня.

– Извини, дорогой, но ты сам виноват. Следовало встать при виде гостыи, – сказала я котяре, снимая обувь.

– Мрр, – незлобливо откликнулся британец.

– Да ты похудел, – констатировала я. – Что, на диету посадили?

– Врач велел перевести его на корм для тучников, – объяснила домработница Валя, высовываясь в прихожую. – Здрассти, Дарья, как доехали?

– Спасибо, отлично, – сказала я. – Видно, хорошо еда действует, раз Венедикт столь сильно изменился.

– Только внешне, – хмыкнула Валентина, – внутренне он еще пофигистее стал.

– Неужели это возможно? – засмеялась я. – По-моему, лень родилась намного раньше Венедикта! А что тут у вас происходит?

Валентина работает у Нины не первый год, стала как бы членом семьи, поэтому позволяет себе иногда весьма откро-

венные заявления.

– Дурдом! – фыркнула она. – Хозяин вообще... слов нет... Короче, увидите сами.

– Нет! – заорали в глубине дома. – Сказал же: через мой труп!

– Во! – подняла палец Валя. – Началось!

– Что? – испугалась я. Однако мне сегодня не везет: удра- ла от скандала из Ложкина и заявила в Киряевку в раз- гар ссоры. Хотя, согласитесь, чужая свара не столь душевно травматична, как выяснение отношений в собственном до- ме.

– Папа, надо же посмотреть, что там, – прозвенел голос Арины.

– Никогда! – завизжал в ответ Эрик.

Валентина, забыв про меня, растворилась в коридоре, а я, поколебавшись, пошла в гостиную, откуда и доносились зву- ки беседы на повышенных тонах. Думаю, Нина обрадуется моему появлению: обычно распри стихают, когда в дом при- ходит гость, мало кто из хозяев захочет ссориться в присут- ствии даже очень близкого друга.

Но мой расчет не оправдался – никто из Лаврентьевых должным образом не отреагировал на мое бойкое: «Здрав- ствуйте!» – произнесенное преувеличенно весело.

– Вот, пусть она тебе скажет! – немедленно заявила Ари- на. – Даша, папа просто обязан вскрыть тайник! Ведь так?

Я в растерянности посмотрела на Нину. Но та даже не по-

вернулась в мою сторону.

– Эрик, институт переживает не лучшие времена, – очень серьезно проговорила подруга, в упор глядя на супруга. – Появилось огромное количество высших учебных заведений, у вчерашних школьников большой выбор, мне пришлось понизить плату за обучение, чтобы привлечь абитуриентов. А это повлекло за собой уменьшение общего финансирования вуза. Тем не менее зданию необходим ремонт. Прекрати это идиотство!

– Чушь! – заорал Эрик.

Я с изумлением уставилась на профессора, поскольку впервые лицезрела его в подобном виде. Ученый всегда тщательно одет, даже дома носит брюки, рубашку, жилет и очень часто повязывает шейный платок. За долгие годы дружбы, я не замечала на его щеках трехдневной щетины, а волосы Эрик тщательно причесывает и даже, кажется, слегка скрепляет лаком. Эрик похож на профессора-гуманитария из западных кинофильмов: он не способен забить гвоздь, умрет от голода рядом с холодильником, забитым едой, начисто забывает о праздниках и днях рождения родственников (впрочем, о своем тоже не вспомнит). Однако в разных ботинках историк никогда из дома не выйдет. Да, его рубашки далеко не модны, Эрик не изучает глянцевого журналы, которые ныне выпускают и для мужчин, ширина штанин его не волнует, но сорочку и брюки профессор наденет чистые и выглаженные, а парфюмерии у него даже больше, чем у нашего

франта Дегтярева. Но сейчас Эрик был облачен в мягкую темно-серую пижаму. Красный от гнева, шевелюра вздыблена, а на лице выражение собаки, которая увидела, как в квартиру входит кошка с автоматом Калашникова в лапах.

– Нет, нет и нет! – надрывно повторял он. – Хоть убейте! Ни за что!

– Ты никогда о нас не думал! – зарыдала Арина и выбежала из комнаты.

Эрик вздрогнул и тут заметил меня.

– Здравствуй, – вполне нормальным голосом сказал он. Потом вдруг глянул в зеркало, висевшее над камином, и, ткнув пальцем на свое изображение, ахнул: – Это кто?

– Ты, – уточнила я.

– В пижаме!? – попятился он.

– Уютное, домашнее одеяние, – решила я приободрить Эрика.

– Кошмар! – Он схватился он за голову и вылетел вон.

– Что у вас происходит? – повернулась я к Нине.

Подруга села на диван, подобрала ноги и как-то потерянно произнесла:

– Не поверишь, он нашел библиотеку.

– Где? Когда? Неужели и правда там есть древние манускрипты? – принялась я расспрашивать подругу.

Нина пожала плечами.

– Ты знаешь, Эрик очень педантичен. У него было много бумаг, и в конце концов он сумел расшифровать дневнико-

вые записи Панкрата Варваркина. В них вроде бы указывалось: вход в хранилище около столетнего дуба, который растет на кладбище.

– Не очень свежая информация, – перебила я. – Насколько помню, последние лет пять Эрик изучал именно погост.

– Верно, – кивнула Нина. – Все дело в том, что там рос дуб, но вокруг него – ничего, никаких следов клада. А потом муж раздобыл старинный план захоронений и понял: было еще одно дерево. Но его спилили во время Отечественной войны, в сорок первом году. Тут же немцы были, ну вроде они дуб на дрова и порубили. Короче, Эрик туда пошел. Кстати, это совсем и не кладбище...

– Извини, не понимаю.

Нина глубоко вздохнула.

– Что-то я разнервничалась, – призналась она. – Ладно, попробую объяснить спокойно. Эрик знал, что Варваркин оборудовал некое помещение, отнес туда книги и тщательно замаскировал вход. Не забудь, дело происходило в тысяча девятьсот двадцатом году. Тогда представители аристократии были уверены: большевики больше пяти лет у власти не продержатся, надо лишь подождать – и либо вернется монархия, либо Россия станет парламентской республикой. Увезти за границу собрание Панкрат не мог. Он ведь книги коллекционировал, а как их провезешь? Драгоценные камни можно проглотить, картины вырезать из рам и обмотать вокруг тела, а что делать с толстенными томами? Предпо-

ложим, пользуясь безграмотностью красноармейцев, он заявит: «Эту книгу я взял для чтения в пути». Ладно, пусть изданий будет два, ну три... Но ведь коллекция насчитывает сотни манускриптов и томов!

...Панкрат обустроил тайник и уехал из Киряевки. Дальнейшая судьба Варваркина покрыта мраком неизвестности, доподлинно известно немного: он до Парижа не добрался, умер в пути. Где он скончался, по какой причине? Вроде бы смерть произошла от брюшного тифа, который тогда бушевал в России. Но не станем углубляться в детали, вернемся в наши дни.

Эрик нашел тайник – Панкрат сделал его в холме, который подступает к Киряевке. Почему ученый сразу не подумал о пещере, в которую так удобно притащить ящики?

В дневнике Варваркин писал: «Мертвые воины охраняют старые пергаменты, их души не позволят жестокосердному и алчному человеку тронуть великое наследие». Ну и тому подобное. Слова «мертвые воины» указывали на кладбище. На нем, кстати, похоронены родственники Панкрата: его дядя и два двоюродных брата, павшие во время Первой мировой войны.

Вот Эрик и стал изучать современный погост, да только зря. И лишь недавно, получив сведения о спиленном немцами дубе, Лаврентьев понял: дерево-то росло на подножье холма. Но вот незадача – там нет никаких могил!

Эрик долго бродил вокруг холма, пытаясь понять ход

мыслей Панкрата Варваркина. Столетний великан некогда ронял желуди к подножию горы, ученому удалось обнаружить останки пня, покрытые мхом. Но мертвые воины покоятся на приличном от того места расстоянии – родственники Варваркина лежат в семейном склепе. Кладбище в Киряевке было небольшим, тут хоронили лишь крестьян из малочисленной деревеньки да местных дворян с округи. Вот уже много лет погост закрыт, киряевцев теперь хоронят на кладбище около села Петухово. Впрочем, неподалеку от пня была братская могила, где покоились тела тех, кто погиб здесь в сорок первом году. Но ведь на тот момент Панкрат Варваркин уже два десятилетия был сам мертв!

Эрику стало казаться, что загадка не имеет отгадки. Однако недаром говорится: если хочешь добиться успеха, никогда не останавливайся на полпути.

Лаврентьев снова засел в архивах, обошел местные церкви и «взломал»-таки шараду.

Давным-давно, задолго до рождения Панкрата, в село приехал молодой генерал с товарищами. Военный собирался жениться на юной красавице Фотине, дочери дворянина, который жил неподалеку от Киряевки. Но торжество не состоялось – жених сразу по прибытии тяжело заболел и скончался, так и не сходяв под венец. Следом за генералом умерли и его сопровождающие. Очевидно, военные подцепили в дороге какую-то инфекцию.

Отец Фотины, человек образованный, испугался распро-

странения заразы и велел немедленно захоронить тела, но не на местном кладбище. В холме нашли пещеру, снесли туда гробы, а вход тщательно замуровали. Девушка погоревала, да и вышла замуж за другого. Но, судя по всему, Фотина никак не могла забыть генерала, потому что и годы спустя она часто рассказывала своим внукам и их приятелям о храбрых воинах, которые спят в горе и ждут часа Страшного суда. На деда Панкрата бесконечно повторяемая легенда произвела неизгладимое впечатление, он даже написал лет в десять поэму «Павший воин».

Когда Эрик докопался до этой истории, он помчался к холму и чуть не скончался от радости. Пень от дуба находился в десяти метрах от подножия холма, и если представить себе на месте обрубка настоящее дерево, то его тень в определенный час должна указывать на место, где когда-то был замаскирован вход в пещеру. На сей счет Панкрат оставил в дневнике весьма точные указания: «В час рождения моей матери, в день праздника деда встать так, чтобы увидеть тень, отбрасываемую столетним дубом. На том конце, среди спящих воинов, хранится мудрость».

Эрику снова пришлось полазить по архивам, и в результате он выяснил, что мать Панкрата появилась на свет в полдень, а праздником ее отец считал десятое июля, число, когда его за верную службу царю и отечеству поцеловал лично государь-император.

Ну и все наконец сложилось. Вчера Лаврентьев нашел

вход в пещеру...

– Офигеть, – прошептала я, выслушав повествование Нины. – И что, там правда есть библиотека?

– Не знаю, – сердито ответила подруга. – Эрик отказывается вскрывать вход.

– Почему? – изумилась я. – Это же нелогично! Столько лет искал и нашел, теперь надо срочно открыть пещеру. Надеюсь, Панкрат хорошо упаковал книги и хоть малая часть из них сохранилась. Ой, Нина!

– Что? – мрачно спросила та.

– До меня лишь сейчас дошло! В горе ведь хранятся миллионы! – воскликнула я. – Представляешь, каких денег стоят манускрипты в телячьих переплетах? Вы будете сказочно богаты! Даже если библиотеку посчитают кладом и заберут в госказну, то на двадцать пять процентов, положенные тому, кто обнаружит сокровище, можно купить авианосец, ядерный реактор и еще останется на старость.

– Вот! – вскочила Нина. – И мы с Аришей о том же подумали. Конечно, мы не голодаем, живем вполне обеспеченно, да только конкуренция в сфере образования огромна! И мне опостылело каждый день сражаться с трудностями. Думаешь, я просто стригу купоны? Улыбаюсь родителям студентов и пополняю кассу?

– Нет, нет, я так не думаю, – попыталась я купировать ее истерику.

– Постоянные хлопоты! – впала в раж Нина. – Крыша те-

чет, унитазаы ломаются, на столах кто-то ругательства вырезает, туалетную бумагу воруют... Тут я застукала одну – вроде приличная баба, профессор, а рулон из кабинки стибрила. Ну не стыдно ли? Да если все рассказать, тебя от услышанного депресняк захлестнет, а я так каждый день кручусь.

По лицу Нины потекли слезы, я обняла подругу.

– Успокойся, все не так плохо, ты просто очень устала!

– Зачем я все это делаю? – стонала Нина. – Ответ вульгарен: мне нужны деньги. Проклятые, мерзкие деньги!

– Может, тебе слегка сбавить обороты? – предложила я.

Нина вывернулась из моих рук и села на диван.

– Не получится, – зашмыгала она носом. – Коттедж содержать дорого, сама знаешь, а еще домработница, садовник...

– Понимаю, – кивнула я.

– Три машины, – Нина начала загибать пальцы, – бензин, техобслуживание, зимняя резина, страховки... А как жить без автомобилей? Не на электричке же ездить. Слава богу, муж научился сам рулить, я могу сэкономить на водителе для него. Теперь Арина. Сидит в своей газете за копейки, пишет, ё-моё, ерунду про кошек. Кто ее обувает, одевает, французскими духами обливает, кормит? Можешь сказать?

– Ты, конечно.

– Точно, я. Больше никому. Да еще она нашла себе кавалера – нищего врача. Он сто раз уже женился, – зашептала Нина. – Я пыталась Арину в свой институт затащить, откровенно попросила: «Помоги, доченька». А она ответила: «Ни за

какие награды не брошу публицистику!». Детка, говорю, очнись, ты кропаешь статейки о кошачьих родах. Между прочим, дочурка и муженек по восемь раз в году отдыхать катаются. Эрик бесребреник, он денег не считает, только ездит подправить здоровье на Мальдивы. Билет туда-сюда, три недели на островах... Назвать окончательную сумму? К тому же супруг обожает мне по вечерам звонить. Только-только домой притащусь, упаду в кровать, дзынь-дзынь. Кто там? Эрик с островов! «Как ты?» – спрашивает. Ответа не слушает, рта мне раскрыть не дает, начинает рассказывать о тамошней погоде, о своем настроении... А я лежу и представляю, как доллары на счет телефонной компании рекой текут. В прошлый раз я такую сумму за роуминг отдала! До сих пор икаю.

– Так скажи ему, чтобы не чудил.

– Пробовала. Он обиделся, – скривилась Нина. – Мол, до чего я дожил, куском попрекают. А у Арины подружка есть единственная – неудачница и лентяйка. Дочь на нее постоянно деньги тратит: то Маргарите ремонт делать надо, то новую мебель купить... Да так ловко разговор ведет, что я себя сволочью ощущаю, если отказываю. А последнее время Арина ей продукты покупает. Так, по мелочи, черешню в декабре. Нет, я больше не могу!

– Сейчас вы решите вопрос с найденной библиотекой, продадите раритеты, и ты сможешь до конца дней забыть о финансовых проблемах, – сказала я.

– Разве ты еще не сообразила? – округлила глаза Нина. – Эрик не хочет входить в пещеру! Уперся ослом!

– Почему? – изумилась я. – Ладно, я бы поняла, откажись он выставлять манускрипты на торги, но не посмотреть на то, что искал всю жизнь...

Нина закуталась в плед.

– Панкрат оставил в своем дневнике предостережение. Написал, что наложил на тайник проклятие, и теперь каждый, кто войдет внутрь, погибнет.

– Ну и чушь!

– Тем не менее Эрик верит в это, – заплакала Нина, – и категорически отказывается вскрывать вход. Вероятно, в пещере миллионы, а муж... Дашуня, поговори с ним.

– Я?

– Ты, ты, – закивала Нина. – Он прислушивается к словам посторонних. Известно же: нет пророка в своем отечестве. Мнение жены для Эрика ничего не значит, а твои аргументы он способен воспринять.

– Попробую, – неуверенно ответила я. – Но обещать ничего не могу.

– Он в кабинете, – обрадовалась Нина. – Не мешкай.

Глава 4

Я потратила битый час, пытаюсь переубедить Эрика, но он стоял как каменная скала. Он не выходил из себя, не злился, не орал, только монотонно повторял:

– Нет.

Я же пыталась найти весомые аргументы:

– Там уникальные книги!

– Нет.

– Они позволят тебе сделать удивительные открытия!

– Нет.

– Ученый мир ахнет.

– Нет.

– Ты же сам мечтал заполучить библиотеку.

– Нет.

– Ладно, вы ничего оттуда не возьмете.

– Нет.

– Эрик, Нина работает на износ, ей нужен отдых.

– Я ее не заставляю, – заморгал ученый. – Легко проживу на геркулесе, я не капризен, мне особый комфорт не нужен.

На язык просились разные слова, но я проглотила злые упреки и поинтересовалась:

– Обоснуй свое решение.

Профессор встал и начал мерить шагами кабинет.

– На библиотеку наложено проклятие.

– Ты веришь в подобную чушь?

Эрик замер, потом отвернулся к окну.

– История знает множество примеров, когда археологи или искатели кладов умирали в мучениях.

– Ерунда, – возразила я.

– Слышала про гробницу египетского фараона? – понизил голос Лаврентьев. – Ученых предупредили: лучше не приближайтесь, мумия вам отомстит. Так и вышло! Погибли все члены экспедиции, пилот, который перевозил саркофаг, сотрудники музея, осматривавшие останки.

– Насколько я помню, в смерти несчастных оказался повинен не то плесневый грибок, не то вирус, который содержался...

– Человеку легче поверить в реальное, – вздохнул Эрик. – Ладно... А что ты скажешь про могилу Чингисхана?

– С ней-то что?

– Решение о вскрытии захоронения принималось на самом высоком уровне, – подбоченился Эрик. – Местные служители культа и старейшины яростно протестовали, говорили археологам: «Могила под охраной высших сил. Если потревожить покой великого воина, из гроба вырвется дух и начнется самая кровавая война в истории человечества». Монахи ухитрились добраться до Сталина и рассказали легенду ему. Уж не знаю, правда это или нет, но, говорят, Иосиф Виссарионович спросил советских ученых: «Есть ли в этих рассказах правда?» Его заверили: «Это

всего лишь миф». И захоронение вскрыли. А на следующий день фашисты уже штурмовали Брестскую крепость, самолеты «Люфтваффе» бомбили Киев и другие города, началась Отечественная война. Это как?

– Никак. Простое совпадение.

– В пирамиде у фараона была плесень? – прищурился Эрик. – Из-за нее погибли люди?

– Да, – согласилась я.

– А история с Чингисханом простое совпадение?

– Естественно.

– Побеседуй с археологами, они тебе расскажут множество историй о таинственных смертях кладоискателей, – мрачно сказал Эрик. – Из дневника Панкрата ясно: он наложил на клад заклятие. Да, кстати... Когда Чингисхана снова захоронили, советская армия стала одерживать победы.

– Кем был Варваркин по профессии? – прищурилась я.

– Помещик, – растерянно ответил Эрик. – Он вел хозяйство, пытаясь все делать по науке – советовал крестьянам держать часть земель «под паром», имел сортовые деланки, отбирал для будущих посевов лучшие семена. Очень был образованный для того времени человек!

– Верующий?

– В церковь, конечно, он ходил, атеистом не был, но о своих отношениях с богом не распространялся даже в дневнике.

– Разве такой человек станет заниматься мракобесием? – спросила я. – И откуда бы Панкрату владеть магией?

– Он позвал на помощь колдунью, – на полном серьезе заявил Эрик.

Я с трудом сдержала смех. Нет-нет, нельзя хохотать, профессор надуется. Эрика следует убеждать с помощью логики.

– Думаю, тут есть нестыковка. Варваркин исправно ходил в храм, а русская православная церковь предостерегает паству от общения с ведьмами и иже с ними. Неужели библиотека была столь значимой для Варваркина, что он пренебрег спасением собственной души?

Эрик оперся руками о подоконник.

– Тебе не понять его психологию. Рухнул веками устоявшийся уклад. Малограмотные крестьяне и рабочие, как неразумные дети, кинулись управлять государством. Но Варваркин отлично понимал: речи о народном самоуправлении предназначены для быдла, которое взяло Зимний дворец и убило батюшку-царя со всей его семьей. Разве Ленин из пролетариев? Или, может, Троцкий с трудом читал букварь? Каменев, Бухарин, Зиновьев, Рыков... Никто из них за сохой не ходил! В стране произошел государственный переворот. До Киряевки большевики просто пока не добрались, а местные крестьяне любили Панкрата, поэтому его не тронули. Варваркин был не богат, домашних театров не имел, как, скажем, Оболенские или Голицыны, жил скудно, все тратил на книги. А на что селянам тома? Золото, драгоценные камни, земля, скотина – вот, по их мнению, богатство. У Панкрата

же имелись лишь ветхие бумажонки. Вот и жил себе Варваркин потихоньку. Уехал прочь, когда почувствовал опасность: аристократию вырезали, вот-вот до второй и до третьей линии дворянства доберутся.

Эрик перевел дух, помолчал. Молчала и я, про себя размышляя, к чему он клонит. Наконец профессор продолжил:

– Здесь в лесу жила ведьма, Софья Скавронская.

– Польша? – перебила я.

– Мне все равно, кто она по национальности, – дернул шей Эрик. – Баба знахарствовала, травки знала, роды принимала. Поговаривали, мужиков привораживала и абортывала. Вот к ней Панкрат и отправился. Именно Софья наложила заклятие. Ты в деревню-то сходи, послушай старушек!

– Каких? – растерялась я.

– Местных, – пояснил Эрик. – Живы еще бабули, помнят кой-чего. Допустим, Лариса Матренкина, ей мать про Скавронскую рассказывала.

– Это же когда было!

Эрик взял со стола коробку с ассорти, выбрал конфету. Засунул за щеку и, не предлагая мне угоститься, заявил:

– А не так уж и давно. Скавронская умерла в начале девяностых. За сто лет ей было!

– С ума сойти!

– Это только кажется, что прежние времена в Лету канули, – заявил Эрик, – а начнешь копать и понимаешь: самой старухи нет, но есть ее внучка, а бабка ей про заклятие рас-

трепала.

– У Скавронской осталась родственница? – уточнила я.

– Знаешь, в чем суть заговора? – не ответил на мой вопрос Эрик.

– Нет.

– Вскрыть тайник может либо Панкрат Варваркин, либо человек, которого он уполномочил, либо совершенно безгрешная личность, не обремененная корыстью. Остальные, покусившиеся на клад, умрут в мучениях через двенадцать часов. Панкрат весьма подробно описал симптомы болезни, которая поразит вора: сначала поднимется температура, потом начнутся насморк, кашель, кровохарканье – и летальный исход.

– Под это описание подойдет куча инфекций, – усмехнулась я.

– Ага. Но я не хочу рисковать. Панкрат Варваркин меня не уполномочивал, и я грешил, причем не один раз. Не соблюдал посты, не особо чтил родителей. Нет, я не намерен лезть в пещеру. Кстати, в деревне помнят случай, когда местный башибузук, пьяница Петька, решил пожить. Он исчез на сутки, затем приполз домой в невменяемом состоянии и признался матери, что хотел отыскать клад Варваркина. «Думал, там золота сундуки, – шептал пьяница в бреду, – но не сумел взять, лаз прошел, и в темноту попал. И больше ничего не помню. Еле домой добрался!» Петька умер утром, его смерть так напугала киряевцев, что они с тех пор даже

шепотом бояться говорить о Панкрате. Во время Отечественной войны большая часть населения деревни погибла, в селе остались лишь женщины с младенцами да старухи, о Варваркине почти забыли. Да, я нашел вход в пещеру, но...

И так, и этак пытаюсь переубедить профессора, я потерпела неудачу. Вернулась к лежавшей в гостиной на диване Нине и сказала:

– Он непоколебим.

– Понятно, – процедила подруга и отвернулась к стене.

Мне стало неуютно.

– Извини, мне пора ехать.

– До свидания, удачи тебе, – мрачно пожелала подруга.

Я вышла на крыльцо. Похоже, Нина совсем расстроилась. Впервые меня отпустили из Киряевки, не предложив ни обеда, ни чая. Лаврентьева отнюдь не жадный человек, она всегда радушно выставляет на стол угощение, а тут даже кипяточку не плеснула...

Я села в машину и поехала в сторону шоссе. В любом скандале или ссоре бывает пик, выброс эмоций, когда участники конфликта начисто теряют способность разумно мыслить. Сейчас у Лаврентьевых именно такая ситуация. Пусть буря уляжется, завтра я вернусь, и, думаю, совместными усилиями мы сумеем уломать Эрика. Хотя зачем он нам нужен?

Профессор достаточно подробно описал место: холм, старый пенёк... Найти замаскированный вход в пещеру будет не так уж и трудно, у Эрика, небось, имеется план. Если Лав-

рентьев не захочет отвести Нину к тайнику, мы справимся сами. Конечно, я грешный человек, но первая войду туда, где складированы книги, потому что не верю в чушь про заклятие. Меня не пугают ни черные кошки, ни разбитые зеркала, ни пустые ведра, ни ведьма с красивой фамилией Скавронская. Вот Нину мне жаль. Подруга работает, как шахтная лошадь [Шахтная лошадь – до того как человечество придумало всякие машины, облегчающие жизнь шахтеров, в угледобывающих копах использовали лошадей. Их спускали под землю и более никогда не поднимали на поверхность. До смерти несчастное животное таскало в темноте вагонетки. Шахтная лошадь – это самая несчастная лошадь. *Прим. автора.*], и она заслужила спокойную жизнь. Судя по нашему сегодняшнему разговору, Нинуше до тошноты надоело руководить вузом, но бросить опостылевшее занятие она не может по вполне вульгарной причине: тогда семья сразу останется без денег.

Ладно, отвлекусь от чужих проблем, заеду в магазин для животных, приобрету корм.

На беду, лавка, где мы покупаем консервы для собачье-кошачьей стаи, находится внутри огромного торгового центра. Я припарковала машину и ринулась к входу, дав себе твердое обещание даже не смотреть в сторону бутиков. Ну или просто пошляюсь по коридорам, пооблизываюсь на витрины, а покупать ничего, кроме корма, не стану.

Первым на пути мне попался салон мобильных. И зачем я зашла в него? Новый сотовый мне всегда дарит на день рождения Аркадий. Следовало уходить, но тут я заметила у кассы симпатичную наклейку в виде собачки.

– Это зачем? – спросила я у продавца, взъерошенного парня с бейджиком «Дима» на футболке.

– Прикольная штучка! – сверкнул глазами парень. – Прикрепляете на заднюю панель телефона, и когда идет вызов, собака мигает.

Я пришла в восторг.

– Здорово! Беру две. Нет, три. Вернее, четыре, – считая вслух тех, кому подарю забавную штучку, я остановилась на цифре «4», решив, что Ирка тоже захочет такой прибаамбасик.

– Хотите приклею? – предложил Дима. – Давайте мобилу. Я вынула из сумки трубку.

– Держи.

– Вау! – протянул юноша. – Эй, народ, гляньте, че у нее! Две девочки, стоявшие за прилавком, подошли на зов.

– Круто, – отметила одна.

– Охренительно, – с завистью добавила другая.

– Мой телефон необычный? – удивилась я.

– Цена у него ломовая, – вздохнул Дима, – мы такими не торгуем.

– Неужели вы не помните, сколько за него отвалили? – удивилась одна из продавщиц.

– Это подарок, – невесть почему начала я оправдываться, – от сына.

– А он женат? – хором воскликнули девочки.

– Да, – остудила я их надежды.

– Молодой человек! – ожил мужик, маячивший у витрины, где на пластмассовых подставках демонстрировались новые модели. – Почему у них разная цена?

– Телефоны отличаются друг от друга, – ответил Дима.

– Чем? – изумился покупатель. – Дизайн одинаковый, функции тоже.

– Серия семь два и серия восемь три, – загадочно пояснил продавец.

– За номер переплачивать? – возмутился дядька. – Совсем стыд потеряли!

– Нет, у «семь два» календарь с ежедневником до две тысячи сто пятого года, – на полном серьезе пояснил Дима, – можно дела далеко вперед распланировать.

Мужик заморгал, я хихикнула и отвернулась к кассе. Самое забавное, что продавец и не думал шутить!

– А тут что за хрень? – спросил покупатель, которого вполне удовлетворил ответ про календарь до две тысячи сто пятого года.

Дима почесал в затылке.

– Которая?

– Пластмассовая коробка с проводками и лампочкой.

– Ну... типа... Не знаю, – выдавил из себя Дима. – Товар

новый, только что поступил. Ща начальство с обеда вернется и объяснит.

– Некогда мне ждать, давай две штуки! – велел покупатель.

Я повернулась к кассе, чтобы скрыть усмешку. Ну, мужчины... Если агрегат гудит, мигает и требует не менее трех батареек, абсолютное большинство представителей сильного пола захочет им обладать.

Помните, было время, когда россияне в массовом порядке мотались за границу и привозили оттуда вещи, аппаратуру, косметику и продукты на продажу. «Челноки» – вот как называли данную категорию путешественников в народе. Кстати, из некоторых таких бизнесменов выросли крупные торговые деятели. Один мой приятель, Никита Водянов, ныне владелец сети необъятных торговых центров, начинал с двух полосатых сумок, с которыми курсировал по маршруту Москва – Варшава – Москва. Никита привозил товар, продавал его на рынке и снова укатывал к полякам. В России тогда не было ничего, а у братьев славян свободно приобретались растворимый кофе, конфеты, сигареты, колготки...

Как-то раз Водянов приобрел губную помаду и дал маху – не проверил все упаковки, которые поставщик сложил в сумку. Представьте его негодование, когда, раскладывая товар на прилавке, Никита обнаружил в одной из коробок не тубики с косметикой, а непонятные предметы – маленькие и тоненькие металлические прямоугольники с кнопками. Если

всунуть в сей механизм батарейку, он начинал тихо гудеть. И больше ничего не происходило. Данный неликвид сильно напоминал гравицапу из культового фильма «Кин-дза-дза». Продать красотищу шансов не было.

Никита с негодованием смотрел на загадочное изделие, вынутое из коробки, и тут к его лотку подошел мужик с вопросом:

– И че у тя тут такое?

– А черт его знает, – честно ответил злой, как голодный барсук, Никита.

– Супер! – восхитился покупатель. – Беру три единицы.

За день Никита избавился от чуда электроники, «наварив» неплохую сумму. Водянов откровенно предупреждал всех мужиков, слетавшихся к его колченомому столику, как собаки на мясо:

– Фиг разберет, зачем эта хрень нужна.

Но парни расхватали «гравицапу». Водянов до сих пор пребывает в недоумении: что ж такое он припер от поляков? Очевидно, «правило Никиты» действует и в салоне сотовой связи!

Став счастливой обладательницей собачки-наклейки, я стала заходить в каждый магазин и везде непременно находила нечто крайне нужное и полезное. Ну, допустим, силиконовые подставки под кружки. Правда, симпатичные квадратики были только синего цвета, а у нас на кухне все в розово-серых тонах, но ведь их можно подарить Оксане.

Через три часа безостановочной беготни я прервалась на обед, а затем продолжила изучение магазина. Время летело незаметно. Около девяти мне позвонила Машка.

– Муся, – весело завела она, – ну не поверишь, что у нас стряслось!

– Лучше сразу скажи: новость хорошая или плохая? – за-дергалась я.

– С одной стороны, жуть, а с другой – ничего страшного, и не с такими жили, – сказала Маня.

– О нет! – простонала я. – Гости? Кто на сей раз?

Машка засмеялась.

– Родственники Зайки.

– Шутишь... – обомлела я.

Ольга выросла в образцовой, даже можно сказать, патриархальной семье. Ее мама, проживающая в Украине, всегда твердой рукой вела хозяйство: она делает потрясающе вкусные соленья, моченья, копченья. А еще мать Зайки обожает внуков-близнецов и всегда забирает их на лето, мотивируя свое решение просто:

– Вам всем некогда, живете в сумасшедшем ритме, а я скучаю.

Есть у моей сватки еще одна особенность – она очень редко приезжает в Москву, от приглашений отнекивается, повторяя:

– Незачем родственникам на голову садиться.

Когда-то давно она, случайно разоткровенничавшись,

сказала:

– Дети наши поженились, но мы-то с вами в загс не ходили. Не надо мешать жить друг другу. В общем, я и сама гостить не стану, и от меня никто не приедет.

Наверное, не очень хорошо в этом признаваться, но меня ее слова обрадовали. Уж сколько народу перебывало в Ложкине! Порой у нас бывали забиты все гостевые спальни и приходилось устраивать посторонних людей в библиотеке, но от матери Оли и правда никто не прикатывал. К слову сказать, Зайка не любит посторонних в доме, и если чей-нибудь визит затягивается, начинает шипеть мне в уши:

– Бесцеремонные пингвины! Выгнать их пора! Ну неужели ты не можешь сказать наглецам: «Наш дом не отель»?

Мне нечего ответить Зайке, она права. И ведь ее-то мама не посылает гостей в Ложкино! Почему же я не могу произнести категоричное «нет» тем, кто хочет поселиться у нас всего на... пару лет? И вот вам сюрприз: родственники из Украины!

Глава 5

Сначала известие об очередных гостях меня рассмешило, потом огорчило: ну вот, опять чужие в доме. И лишь через пять минут я сообразила: если в Ложкине угнездятся родственники Ольги, она не станет затевать генеральную уборку. Более того – она постарается как можно быстрее выскочить на работу, дабы не общаться ежесекундно с гостями, а еще простит Кешу, забудет про не очень удачную шутку мужа насчет микроволновых дров и прочего, и в особняке у нас воцарятся мир и покой.

И тут мои философско-бытовые размышления прервал новый звонок мобильного. На дисплее заморгало изображение домика. Значит, со мной хочет пообщаться кто-то из Ложкина.

– Это я, – сладким голосом пропела Зайка. – Как у тебя дела?

– Отлично! – бойко отрапортовала я. – Брожу по магазинам, покупаю мелочи по хозяйству.

– Не устала? – участливо спросила Ольга. – Уже поздно, а ты, думаю, не обедала и не ужинала.

– Перекусила в кафе, – кратко ответила я.

– Приезжай, пожалуйста, – взмолилась Зайка. – Тут... э... ну...

– Гости приехали?

– Тебе уже наябедничали? – возмутилась Оля.

– Нет, нет, – я решила ни за что не выдавать Марусю, – сама догадалась. Что, какие-нибудь знакомые моих друзей?

– Ну... это наши общие родственники, – замела хвостом Ольга, – прилетели самолетом из Киева.

– Из Киева? – уточнила я.

– Ага, – шмыгнула носом Ольга, – Витек и Леся. Ты уж поторопись!

Мне стало жаль Зайку. Развлекать свалившихся как кирпич на голову людей дело не легкое.

– Только куплю животным консервы и сразу в Ложкино.

– Спасибо, – с огромным облегчением откликнулась Ольга, – а то я тут совсем одна...

Как назло, у прилавка с едой для кошек и собак толпился народ. Я мирно пристроилась в конец очереди и стала изучать ассортимент. Да уж, хорошо в наши изобильные времена быть любимцем человека: если будешь писать в коридоре не каждый день, а лишь в минуты злости, чтобы наказать хозяина, то тебе купят множество вкусных лакомств, игрушки, мягкий матрасик, массажную щетку, попонку, ботинки, шампунь...

– Мне нужен корм «Срук» [Здесь и далее: название придумано автором, любые совпадения в наименованиях фирм и организаций случайны.], – громко сказала высокая блондинка, стоявшая передо мной.

– Простите, не поняла? – удивилась продавщица. – Назовите еще раз фирму.

– «Срук», – повторила девушка. – Для маленькой собачки.

– Извините, таким кормом мы не торгуем, – прозвучало в ответ, – и, честно говоря, я никогда не слышала о «Сруке». Кто его производит?

– Понятия не имею, – встряхнула локонами покупательница.

– Попробуйте другую еду. Могу предложить «Колечки с говядиной», премиум-класс, сбалансированная еда. Сколько лет вашему песику?

Блондинка раскрыла матерчатую сумку, вытащила из ее недр крохотного, похожего на игрушку, пуделька и протянула:

– Не знаю. Мне его подруга оставила. Уехала на неделю, предупредила: «Ест только „Срук“ – и сунула банку с какой-то коричневой дрянью. Я ее в миску вывалила – ни фига, есть не хочет! Третий день голодный!

– Бедненький. Можно ему на пробу разного насыпать, к какому корму интерес проявит, тот и возьмете, – предложила продавщица.

Но пуделек, увидав кучки гранул и «сухаришков», демонстративно отвернул нос.

– «Срук»... – задумчиво протянула торговка. – Ладно, попробую вам помочь. Лен, глянь там по списку разрешенных в России кормов. Кто «Сруком» торгует?

– Нет такого, – прозвучало в ответ из подсобки. – Марин, ты его правильно назвала? Может, «Кук»?

– Может, «Кук»? – повторила Марина, глядя на блондинку.

– «Кук»? – растерялась та. – Нет!

– «Кук», – заорала из подсобки невидимая Лена, – лакомые кусочки для вашего любимого хомяка.

– У меня собака! – возмутилась покупательница. – Такса!

– На прилавке пудель, – вытаращила глаза Марина.

– Какая разница, пудель, такса, овчарка! – обозлилась блондинка. – Главное, это не хомяк. Нечего мне тут жрачку для зайцев впаривать!

– Хомяк не кролик, – решила уточнить Марина.

– Очень уж ты умная, – процедила сквозь зубы покупательница и ткнула пальцем в собачку: – Я сюда пришла не за лекцией по астрономии, хочу приобрести хавало вот для этого! Неси «Срук» и не трепи языком без дела, поняла?

– Куда уж проще! Вот только при чем тут наука о звездах? – ехидно осведомилась Марина. – Животных изучает ветеринария.

– Девочки, не спорьте по пустякам, не тратьте зря время, – примирительно сказала старушка, стоявшая позади меня. – Вы же не одни! Мы ждем своей очереди.

– У нас нет «Срука», – отрубила Марина.

– А где его взять? – снова вполне мирно спросила блондинка.

– Понятия не имею!

– Значит, песик с голодудохнет, – резюмировала де-вушка.

Мне стало жаль бедную собачку. Конечно, пуделек ка-призник, небось ест лишь с рук хозяйки... И тут мне в голо-ву пришло забавное предположение. Я обошла блондинку, приблизилась к кудрявому песику, положила комочек корма на ладонь и протянула баловнику со словами:

– Ешь, дорогой!

Черный нос задвигался, розовый язычок живо слизал «хрустик».

– Жрет! – заорала блондинка. – А как вы это проделали?

– Думаю, корма «Срук» не существует, – вздохнула я. – Ваша подруга предупредила, что ее любимец питается с рук, то бишь его надо кормить, положив еду на ладонь. «С» – предлог, «рука» – существительное. И, насколько я помню грамматику, вышеназванные части речи пишутся отдельно.

– Ну ваще! – только и сумела сказать блондинка. – А я этого «Срука» по Интернету обыскалась!

Покупатели посмеивались, продавщица метнула на при-лавок коробку с кормом, и торговля пошла без сучка и задо-ринки.

Отвратительно начавшийся день закончился замечатель-но. Когда я прикатила домой, гости, уставшие после доро-ги, уже легли спать, а Зайка, утомленная утренним сканда-

лом, хозяйственной активностью и бурным проявлением гостеприимства, заперлась в бане. Я выпила чаю и преспокойно устроилась в своей спальне смотреть фильм с ласковым названием «Маньяк с кирпичом». Но общение с искусством долго не продлилось: минут через десять, после двадцатого трупа, я услышала мерный шум – это дождь барабанил по крыше. Мои глаза закрылись... а распахнулись лишь около одиннадцати утра.

В доме стояла подозрительная тишина. Я накинула халат, спустилась по лестнице и вошла в кухню. Ирка, напевая себе под нос, чистила кастрюлю.

– А где люди? – спросила я.

Домработница вздрогнула, выронила посудину и обернулась.

– Фу! Это вы!

– А кого ты ждала? – изумилась я.

– Совсем забыла, что вы здесь, – протянула Ирка.

Очень здорово! Между прочим, я считаюсь в доме хозяйкой.

– Маня уехала с собаками на прививку, – сказала домработница, – Дегтярева вызвали в управление, Аркадий Константинович на работе, Ольга родственников по магазинам повезла, Ванька за навозом подался, надо туи подкормить, я себе спокойненько посуду мою, и тут, нате, за спиной как заорут! Я чуть ума не лишилась. Полагала, что я одна дома.

– Ты меня не назвала, перечисляя отбывших по делам чле-

нов семьи!

– Ну да, – кивнула Ирка, – вы из памяти моей выпали.

– Попью-ка я каппучино, – перевела я беседу в иное русло и ткнула пальцем в кнопку кофемашины.

Вместо привычного гудения агрегат издал странный воющий звук.

– Не работает, – расстроилась я.

– С чего бы кофеварке ломаться? – изумилась Ира. – Вчера вовсю пахала. Эх, вот она жизнь! До полуночи скачешь, веселишься, а к утру померла. Все висит на тонкой нитке!

Я молча направилась к холодильнику. Похоже, сегодня у Ирки день философских раздумий, случаются с ней порой такие приступы. Я очень хорошо помню, как в конце весны она прочитала в журнале статью про то, что все живое, включая овощи и фрукты, имеет бессмертную душу. Целую неделю Ирка мрачнее тучи бродила по дому и вздыхала:

– И сколько же я помидоров загубила!

Наша Ира слишком впечатлительна. Она свято верит напечатанному в газетах и на все мои увещевания: «Не верь ерунде, опубликованной в газете „Желтуха“! – с чувством возражает: „Не зря люди это написали. Кто ж им так врать разрешит?“

Сегодня Иришке, наверное, попался листок, посвященный эзотерике, или нам в почтовый ящик сунули бесплатное издание по философии.

До холодильника добраться мне не удалось – помешал

звонок телефона.

– Дашута, – раздалось из трубки, – можешь приехать?

– Влегкую, – живо откликнулась я. – Но, Нинуша, думаю, мой визит опять будет бесполезен. Эрик вчера был непоколебим, навряд ли он за ночь изменил свое мнение!

– Фиг бы с ним, с Эриком, – зашептала Нина. – Ты не поверишь... Я достала уникальную книгу!

Я вздрогнула.

– Как?

– Сходила в пещеру.

– Ты сошла с ума! – вырвалось у меня.

– Неужели ты веришь в идиотские приметы? – засмеялась Нина. – Сделай одолжение, приезжай, мне очень нужен твой совет.

– Уже бегу, – пообещала я и кинулась одеваться.

Лаврентьева ждала меня на террасе. Дождь перестал, из-за туч выглянуло солнышко.

– Эрик работает в библиотеке, – заговорщически зашептала подруга. – Пошли в спальню. Только тихо, не хочу, чтобы муж знал.

Я подчинилась и на цыпочках стала красться следом за ней вверх по лестнице, застеленной толстым ковром. На площадке между первым и вторым этажом лежал Венедикт.

– Вот нахал, – прошептала Нина, перешагивая через ко-
та, – даже не пошевелится!

– Он сильно похудел, – отметила я.

Нинуша кивнула:

– Ага, я стараюсь следить за его рационом. А то как бы не умер от обжорства. Эрик с Ариной его недолюбливают, Валька тоже косо на кота поглядывает, им все равно, что с ним будет. Одна я Веню обожаю, вот и приходится остальным его терпеть. Как же, любимый мальчик хозяйки! Кстати, он – умная сволочь, понимает, что только я его люблю, и с остальными не дружит. То Арину за голые ноги цапнет, то Эрика укусит. Но хуже всех Вальке достается – ей он в тапки писает.

– Помнишь Катю Рагозину? У нее тоже кот был, всем пакостничал, – не к месту ляпнула я.

– Катюху? Конечно, помню, – вздохнула Нина. – Ужасно умереть в сорок лет!

– Врач сказал, у нее был никем не замеченный порок сердца, – уточнила я.

– Мда, – кивнула Нина, и следующие десять ступеней мы миновали молча.

Уже открывая дверь в спальню, она вдруг спросила:

– Слушай, а куда подевался кот Катюхи?

– Его усыпили, – не подумав, сказала я правду. – Очень уж агрессивно он себя вел, вот семья Рагозиной и решила расстаться с животным.

Нина побледнела и схватила меня за плечо:

– Дашута, дай честное слово! Пообещай выполнить мою

просьбу!

– Смотря какую, – усмехнулась я. – Вдруг попросишь меня прыгнуть с Останкинской башни?

Но Лаврентьева не оценила по достоинству мою шутку.

– Я говорю серьезно!

– Ну? Излагай.

– Если я умру раньше тебя, заberi к себе Венедикта, – выпалила Нина. – Мои точно его на тот свет живенько спроводят.

– Ну и чушь приходит иногда людям в голову! – подскочила я. – С чего тебе вдруг умирать-то?

– Не знаю. Но ты сейчас вспомнила про Катьку... и я подумала... решила... она ведь тоже не ожидала такого близкого конца... Пообещай!

Я набрала полную грудь воздуха. Лаврентьева, похоже, очень устала, ей необходимо на некоторое время забыть о работе, съездить одной отдохнуть.

– Пообещай! – твердила Нина, прижимая к груди руки.

– Хорошо.

– Нет, дай полный ответ!

Учитель всегда остается учителем, даже в напряженный момент он начинает привычно занудничать.

Я откашлялась, подняла правую руку и заявила:

– Торжественно клянусь в случае необходимости дать приют коту Венедикту в своем доме, обеспечить его едой, питьем, свежим наполнителем для туалета и медицинскими

услугами. Обещаю холить и лелеять Венедикта, но оставляю за собой право объяснять ему его кошачьи ошибки. Взамен требую у Нины Лаврентьевой ответной услуги!

– Какой? – заморгала та.

– Если я умру раньше тебя, пригреешь в своей семье Дегтярева? От полковника не в пример меньше хлопот, чем от кота. Александр Михайлович никогда не ложится спать на ступеньках лестницы, и ему, надеюсь, не придет в голову хватать людей за голые ноги. Полковник не писает в тапки, не потребует ежедневно менять наполнитель в горшке, и он, в принципе, всеяден. Даже слишком всеяден, на мой взгляд – если можно так выразиться, Дегтярев всеобжорен. Одна беда, он в отличие от Вени умеет разговаривать, но засунутые в уши затычки легко купируют сей его недостаток. Ну, ты согласна?

Я ожидала, что с лица Нины уйдет напряжение и она рассмеется, но Лаврентьева широко распахнула глаза и серьезно ответила:

– Да, можешь во мне не сомневаться, я освобожу для полковника овальную гостиную на первом этаже.

Я поежилась – шутка не прошла. Может, Нина заболела? Выглядела она не лучшим образом: лицо приобрело землистый оттенок, глаза лихорадочно блестели. А еще Нинуша покашливала, и у меня создалось впечатление, что она простудилась.

– Похоже, меня на холме продуло, – вдруг сказала Нина

и села в кресло. – Хоть и июль на дворе, да ранним утром свежо, а я побежала без куртки. И пахло там странно – вроде духами, цветочными. Но ведь это невозможно.

– Ты о чем? – удивилась я, устраиваясь на диване.

Нина осторожно взяла со столика большую книгу в потертом кожаном переплете.

– Видишь?

– Ну да!

– Что это, знаешь?

– Давай без загадок, – ответила я.

Лаврентьева раскашлялась, затем сказала:

– Я продемонстрировала тебе уникам. Это рукописная книга, летопись монаха Аристарха. О ней ходят легенды в кругах историков. Большинство ученых, правда, считает, что документ погиб в огне пожара тысяча восемьсот двенадцатого года, раритетом владел некто Куницын, попечитель одной из московских гимназий. Он демонстрировал драгоценные страницы друзьям. Но дом Куницына сгорел дотла, обширная библиотека обратилась в прах, летопись зачислили в список погибших культурных ценностей. Но она жива! Смотри!

И Нина подняла книгу.

Глава 6

– Постой! – ахнула я. – Эта та самая летопись? Нам о ней в институте рассказывали!

– Да, – кивнула Нина. – Конечно, придется подтвердить ее подлинность, но, думаю, тут сложностей не возникнет. Эрик – гений, зря я на него последнее время злилась. Он-таки нашел пещеру с книгами Панкрата Варваркина и...

Договорить Нина не смогла, ее скрутил приступ кашля, на сей раз мне показалось, что у нее коклюш. Лицо Лаврентьевой покраснело, на лбу и шее выступили вены, ей явно не хватало воздуха.

– погоди, – прошептала я, когда она сумела свободно вздохнуть, – ты ходила в тайник?

– Да, – с вызовом ответила Нина.

– Ой! – вырвалось у меня.

– Уж не веришь ли ты во всякие глупости? – вспылила Лаврентьева.

– Конечно, нет, но ведь страшно одной посещать пещеру, – вздрогнула я.

Нина погладила переплет сокровища.

– Знаешь, сколько за этот раритет дадут?

– Даже предположить страшно.

Лаврентьева тихо засмеялась.

– Миллионы! Не в рублях – в евро. Крупнейшие библио-

теки мира станут драться за издание, не говоря уж о коллекционерах. Фамилию Давиньон ты, часто бывающая во Франции, очевидно, слышала?

– Давиньон француз, но живет в Австралии.

– Не важно, – отмахнулась Нина. – Он коллекционирует книги и является одним из богатейших людей мира.

Я кивнула. Все правильно, Грегори Давиньон разбогател в восьмидесятые годы. На чем он сделал деньги, никто не знает, но сейчас он живет на небольшом ранчо, разводит ручных кенгуру и является любимцем французской прессы. О библиотеке Грегори ходят легенды, его волонтеры рыщут по всему миру в поисках уникальных свитков и книг.

– Продам находку и брошу работу, – зашептала Нина. – Конец трудовой биографии...

Я молча слушала Лаврентьеву и изумлялась: чужая жизнь и впрямь потемки! Оказывается, отношения Эрика с женой отнюдь не являлись пасторальными.

– Сначала мне было забавно водить его за руку, – криво усмехнулась Нина, пустившись в откровения, – видно, во мне проснулся нереализованный материнский инстинкт. Да еще все вокруг считали Эрика гением, он рано защитил докторскую, получил профессорское звание, а я, соответственно, загорала в лучах славы мужа. Естественно, Эриковы капризы выполнялись в доме по первому свистку. Затем Аришка родилась, все заботы легли на мои плечи. Остальное происходило на твоих глазах. Что имеем ныне? Жена – заму-

ченная лошадь с неадекватными реакциями, муж – наливной персик, здоровый кобель. Любовницу завел, представляешь? Я точно знаю, у него есть баба!

Новый приступ кашля согнул Нину. Я лишь моргала, приличествующие моменту слова не находились.

– Уж как я его просила в тайник пойти, принести книги, – захрипела Нина, – так нет, уперся ослом, проклятья поминал, о болезни лепетал. А я хочу жить спокойно... Кха-кха-кха...

Я сжалась в комок, необъяснимая тревога охватила меня. Почему Нина выглядит так плохо? Вчера она имела цветущий вид и ни разу не поперхнулась, а сейчас ей на глазах делалось все хуже и хуже.

– Я дождалась, пока Эрик заснет, – лихорадочно бормотала Лаврентьева, – пошла в его кабинет, обнаружила на столе план, взяла фонарь, лопату, и в путь. В семь утра вломилась в тайник, там полно сундуков... страшно... темно... но очень сухо... пахнет духами... цветами... открыла один короб, а летопись прямо сверху... В пещере сокровищ на миллиарды! Кха-кха-кха... Помогите мне! Помогите!

– Как? – обалдело спросила я.

– Твоя сестра, Наташа, баронесса Макмайер [Об отношениях Даши и Наташи, о том, как простая москвичка стала баронессой Макмайер, читайте в книге Дарьи Донцовой «Крутые наследники». Издательство «Эксмо».], живет в Париже...

Я уже устала объяснять окружающим, что мы с Наташкой не кровные родственницы (хотя, на мой взгляд, сестрами можно стать и не имея общих родителей), поэтому просто кивнула.

– Она дама высшего света, – зашептала Нина, – с огромными связями, еще и популярная писательница.

– Верно, – согласилась я, – Наташка вхожа в дома, куда ни за какие деньги не впустят чужого человека.

– Попроси ее связать меня с Давиньоном. Он купит летопись!

– Наташка дружит с Грегори.

– Господи! Вот счастье! – встрепенулась Нина. – Я соглашусь на любые его условия, торговаться не стану. Только никому ни слова, Дашуня! Ни Эрику, ни Арине. В пещере горы ящиков... Эрик не ошибался... Коллекция Варваркина существует!.. Мне плохо! Кружится голова! Воды!

Я метнулась к бутылке, стоявшей на тумбочке.

– Помоги мне лечь, – прошептала Нина, – меня тошнит, неудобно сидеть...

К сожалению, я не обладаю большой физической силой, поэтому не сумела перетащить подругу на кровать, она осталась в кресле.

– Темно! – вдруг закричала Нина. – Зажги свет!

Я бросила растерянный взгляд в окно, за которым буйствовало июльское солнце, а потом опрометью бросилась за Эриком.

Через полчаса все члены семьи Лаврентьевых, включая домработницу, стояли вокруг постели, на которой тряслась в ознобе Нина.

– Папа, думаешь, это проклятие работает? – в ужасе спросила Арина.

Эрик не ответил.

– «Скорая» уже в пути, – я решила приободрить Арину.

– Она сюда три часа по пробкам добираться будет, – за-
ломила руки домработница. – Вон Серафима из деревни так
и померла. Ей дети утром врача вызвали, так он приперся к
вечеру, как раз смерть зарегистрировать.

Я пнула Валю:

– Заткнись!

Она судорожно зарыдала.

– Папа, что делать? – пролепетала Арина.

Эрик вынул из кармана жилета блокнот.

– Я расшифровал записи Варваркина.

Мне захотелось треснуть профессора по лбу. У Нины явные признаки сердечно-легочной недостаточности, требуется сделать укол, а муж делится своими научными открытиями.

– В доме есть лекарства? – перебила я Эрика.

– Валя, принеси, – распорядился хозяин.

– Чего? Куда? – завывала прислуга.

– Сейчас, – подхватила Арина и унеслась.

Я вынула мобильный, соединилась с Оксаной и в деталях

описала ей симптомы болезни.

– Лучше всего отвезти твою подругу в больницу, – сказала Ксюша.

– Знаю, «Скорая» уже едет. Но что можно сделать для Нины сейчас?

– Перечисли имеющиеся у них медикаменты, – приказала Ксюня.

Я, роясь в большой железной коробке, которую принесла Ариша, начала озвучивать названия.

– Укол сумеешь сделать? – поинтересовалась Оксана.

– Внутримышечно да, – храбро ответила я, – Хучу ведь я лекарства ввожу.

– Отлично. Действуй по моим указаниям... – велела Оксана.

Когда Эрик увидел, что я со шприцем в руках подхожу к Нине, в его глазах промелькнуло беспокойство.

– Не надо! Вдруг ей хуже станет?

– Оксана плохого не посоветует, – зыркнула я на него и, мысленно перекрестившись, воткнула под кожу Нине большой иглу.

Через пару минут судороги отпустили Нину, она приоткрыла один глаз.

– Мама! – кинулась к ней Арина. – Тебе лучше?

– Мне удалось расшифровать записи Панкрата, – по новой завел Эрик.

Я рухнула в кресло. Оксана отличный хирург, у нее огром-

ный опыт, она работала на «Скорой помощи», в реанимации, умеет быстро и точно оценивать обстановку. Слава богу, что у Лаврентьевых в аптечке нашлись лекарства, правда, не все необходимые, но ведь Нине помогли.

– Варваркин сообщает: если вскрыть тайник, непременно умрешь, – прокаркал Эрик.

– Замолчи, – прошипела я, – жена тебя слышит.

– Без негативных последствий, – будто не замечая меня, продолжал профессор, – к томам могут прикоснуться сам Варваркин, его посланец или абсолютно безгрешный человек с чистыми помыслами.

– Остальные умрут? – в ужасе спросила Арина.

– Да, – кивнул ученый.

– Враки! – заорала девушка. – Хрень! Глупость! У мамыли просто воспаление легких.

– Оно так быстро не развивается, – перебил ее Эрик. – Но Панкрат оставил лазейку для воров.

– Человек, покусившийся на коллекцию, может выжить? – обрадовалась я.

– Верно. Но нужно совершить обряд.

– Какой? – занервничала я.

Только не подумайте, что я поверила в чушь про проклятие. Хотя Эрик говорил очень уверенно. И потом, Нина как-то мгновенно заболела. Если обряд, придуманный Варваркиным, выполним, то почему бы его не провести? Хуже уж точно никому не будет.

– Помогите, – прошептала Нина, – Эрик... милый... давай...

– Не трать зря силы, – остановил ее муж.

– Что делать? Рассказывай! – велела я Эрику.

– Нина должна покаяться в грехах.

– И все?

– Да.

– Начинаем! – закричала я. – Нинуля, ты можешь говорить?

– Угу, – донесся лепет с кровати.

– Кто-нибудь помнит божьи заповеди? – занервничала я.

– Не убий! – воскликнула Арина.

– Думаю, это можно пропустить, – отмахнулась я, – Нина точно никого не лишала жизни.

– Нина делала аборты, – вдруг заявил Эрик, – два раза. А это убийство.

В моей душе неожиданно вскипела злорада.

– Интересно, кто делал ей ненужных детей, а потом благовословил на операции? Не одна Нина участвовала в процессе!

Шея Эрика приобрела пунцовый оттенок.

– Я в тайник не лазил, речь сейчас идет о Нине, – буркнул он.

– Признаю и раскаиваюсь, – прошептала Лаврентьева.

– Прелюбодеяние! – заорала Валя. – Мужу изменяли?

– Честное слово, нет, – уже более уверенно ответила Нина. – Даже мысленно! Эрик – моя единственная любовь.

– Чти родителей! – осенило меня.

Нинуша легонько кашлянула.

– Каюсь, была не всегда вежлива с отцом и мамой.

– Не переживайте, все с родственниками бранятся, – успокоила ее Валя, – никто не провел жизнь ни разу не поругавшись.

– Не укради! – объявил Эрик.

– Едем дальше, – поторопила его я, – твоя супруга человек редкой честности!

Из постели донеслось всхлипывание.

– Прости, Дашута, прости...

Я посмотрела на Нину.

– Не нервничай, врач на подъезде. Если «Скорая» задержится, я сделаю еще один укол. Тебе ведь легче?

– Да, да, да, намного. – Лаврентьева села и вытянула вперед руки, – Думаю, Эрик прав. Дело не в лекарстве, а в покаянии. Едва я про аборт сказала, как пальцы разжались!

– Чьи пальцы? – не поняла я.

Нина показала на свое горло.

– Кто-то как будто душил меня, а тут враз отпустил. А после разговора о родителях и першить в горле перестало!

– Ну и слава богу, – сказала я, косясь на пустой шприц. – Лишь бы тебе легче стало!

– Прости, прости, я воровка! Мерзавка! Украла деньги!

– Милая, ты говоришь чушь, – попытался остановить ее Эрик, но Нину уже понесло.

– Никто не в курсе, да только если я не покаюсь, то умру, – заторопилась Лаврентьева. – Дашуля, помнишь, как у тебя под Новый год, в конце семидесятых, сперли кошелек?

– Да, я тогда так расстроилась! Взяла накопленную на подарки сумму, поехала в «Детский мир» и потеряла портмоне. До сих пор обидно, – призналась я. – Хотя случались в моей жизни и более значительные потери, но о том происшествии не могу забыть. Вероятно, из-за того, что перед Новым годом не ждешь подянки. А откуда ты знаешь про тот малорадостный факт? Я никому, кроме Наташки, о нем не рассказывала.

– Этот я кошелек украла! – отчеканила Нина. – Ты мне позвонила и сказала: «Собралась в Детский мир, хочу подарки купить, а потом продукты поищу, присоединяйся, вместе веселей». А у меня в кармане пусто! Эрик приобрел какие-то книги, растратил заначку для праздника, перед твоим звонком я голову ломала, где тугрики взять. Никто ведь перед Новым годом в долг не даст...

Я машинально кивнула, а Нина продолжила:

– Ну я и решила: поеду в «Детский мир» и сопру твой кошелек. Я великолепно знала, как ты сумку носишь – ремень на плече, торба сбоку, застежки нет, одна кнопка. Если ты что-то почувствуешь, я сделаю вид, будто это розыгрыш, ты никогда меня в воровстве не заподозришь.

– Ага, – ошалело согласилась я, – точно.

– Но ты ничего не заметила.

– Невероятно! – схватился за грудь Эрик. – Нина! Это ужасно!

– Зато мне уже лучше, – трезво отозвалась жена. – Дашута, я каюсь! Прости! Мне так стыдно! Я хотела вернуть деньги, но как?

У меня закружилась голова. Может, я сплю? Нинуша банально стырила у меня кошелек, а потом улыбалась, угощала чаем... Я ничего не смыслю в людях!

– Я всего один раз оступилась! – ныла Нина. – Мучилась, рыдала, все последующие годы пыталась тебе помогать. Ну отпусти мне грех!

Я попробовала найти нужные слова, но язык будто заledenел. Нина вновь начала кашлять.

– Ей делается хуже, – озабоченно констатировал Эрик.

Арина бросилась передо мной на колени.

– Даша, прости маму! Она поступила плохо, но сейчас искренне раскаивается. Мы вернем тебе украденное! В сто-кратном размере! Переведем в валюту! Учтем проценты!

Я затрясла головой.

– Ни в коем случае! Ничего не надо! Нинуша, я прощаю тебя!

Приступ кашля прекратился. А я сделала абсолютно не свойственный мне жест – быстро перекрестилась.

– Работает! – заорала Арина. – Папа, мама уже не такая бледная! Заклятие – правда!

Мне стало душно. Очевидно, Эрику тоже, потому что он

подошел к окну, взялся за ручку и спросил:

– Можно открою? Мне не хватает воздуха.

– Конечно, – разрешила Нина.

Эрик распахнул стеклопакет, в окно ворвался свежий воздух июля, я сделала глубокий вдох. Что за чертовщина происходит с Ниной? Час назад она прямо-таки умирала, ей было по-настоящему плохо, но стоило подруге признать свои грехи, как здоровье быстро к ней вернулось. Но я не верю в колдунов, ведьм, заговоры, нашептывания и пассы. Лаврентьевой помог укол, который я сделала по совету Оксаны. Интересно, как долго действует лекарство? И пора бы уже приехать «Скорой помощи». Я, вызывая врачей, четко сказала:

– Больной очень плохо, поторопитесь, пожалуйста!

Резкий звонок в дверь заставил меня вздрогнуть.

– Доктор! – взвизгнула Валя и побежала в прихожую.

– Слава богу, – выдохнула я.

– Думаю, это не врач, – вдруг заявил Эрик. – Даже уверен.

– А кто? – вытаращила глаза Арина.

– Прекрати паясничать! – сорвалась я. – Хватит корчить из себя великого Нострадамуса!

– Я изучил дневник Панкрата, – Эрик тупо вернул беседу в ее начало, – расшифровал записи. Все идет по плану Панкрата. И теперь она здесь!

Глава 7

– Эй, ты куда! Стой! Нахалка! – донесся до нас голос Валентины.

Дверь спальни распахнулась, в комнату молча вступила дама, одетая в розовое платье, явно предназначенное для вечеринки. Лицо незнакомки скрывала маска из темного материала, длинные волосы неестественно блестели. В руках незваная гостья держала пузатую бутылочку причудливой формы.

– Я не хотела ее пускать, а она вперлась! – крикнула, вбегая следом, Валя.

– Вы кто? – спросила Арина.

Дама молчала.

– Представьтесь, – не успокаивалась девушка.

Гостья стояла, не шевелясь.

– Сумасшедшая, – испугалась Валя, – из Полюновки сбежала, там интернат для психов.

– Нет, – возразил Эрик. – Ваша фамилия Скавронская? Незнакомка кивнула.

– Вы принесли лекарство?

Дама опять кивнула.

– Давайте, – велел Эрик.

Тонкая рука протянула бутылку Лаврентьеву, он передал ее жене.

– Пей!

– Папа, ты свихнулся! – испугалась Арина.

– Нина, отдай склянку! – приказала я.

– Не слушай их, – жестко заявил Эрик.

Арина ринулась к матери, но Нина уже опрокинула в себя пузырек.

– Люди добрые, хозяйева опсихели! – завизжала Валя.

Я упала в кресло, Нина медленно опустилась на подушку, тетка в розовом отступила к двери.

Арина кинулась к отцу.

– Что происходит? Ты в курсе?

– Немедленно нам объясните! – потребовала Валентина, забыв о том, как следует разговаривать с работодателем.

Я же пыталась справиться с сердцебиением и одновременно лихорадочно соображала. Примерно в двух километрах от Киряевки расположено село Польшовка, в нем действует интернат для умственно отсталых людей, от которых отказались родственники. Очевидно, Валя права, странная тетка удрала оттуда. Необходимо задержать больную и вернуть ее в интернат.

– Папа! – Арина продолжала трясти профессора. – Немедленно отвечай!

На лице Эрика неожиданно промелькнула улыбка.

– Я молодец, – неожиданно заявил он. – Я гений!

Арина растерянно повернулась ко мне.

– Отец того, да?

Я встряхнулась и с трудом выдавила:

– Это последствие стресса. Надеюсь, врачи рядом, помощь понадобится не только Нине, но и Эрику.

Он потер руки.

– Нет, Нина выздоровела. Смотрите, она спит!

Все присутствовавшие посмотрели в сторону кровати. Хозяйка дома и в самом деле мирно вытянулась, голова Лаврентьевой покоилась на подушке, руки были разбросаны в стороны, на лице умиротворение, никаких страдальческих гримас.

– Спит? – испуганно спросила Валя. – А почему?

Эрик сел в кресло.

– Вы не даёте мне слова сказать, устраиваете истерики, а между тем я имею конкретные ответы на все вопросы.

– Так сообщи их нам! – воскликнула я.

– Пытаюсь, но вы мешаете, – надменно заявил Эрик.

– Мы будем молчать, – пообещала Арина.

– Заклятие Панкрата сработало, – загудел Эрик, – Варваркин, желая сохранить библиотеку, поступил слишком радикально. Он нашел Скавронскую...

– Мама выздоровеет? – не выдержала Арина.

– Ну вот! – всплеснул руками профессор. – И как прикажете разжевывать материал? Нина очнется на следующее утро. Думаю, вам хватит этой информации.

– Папулечка, – заплакала Арина, – ну прости...

– Эрик, не сердись и объясни толком! – взмолилась я.

– Я не умею беседовать с аудиторией, которая не уважает лектора, – патетично отвечивал профессор. – Допускаю, что я слегка зануден, но должен изложить все по порядку, научный доклад не терпит поспешности. Лучше, конечно, написать тезисы. Да, это правильная мысль! Пойду в кабинет, подготовлюсь. Давайте соберемся... э... в субботу, и тогда я изложу весь материал, дам список необходимой литературы.

– Ты сбрендил? – не выдержала я.

– В смысле? – вскинул брови профессор.

– В смысле, ты идиот, – уточнила я. – Хватит выпендриваться, живо говори, что ты знаешь! Если еще раз устроишь истерику, закапризничаешь, как избалованная девчонка, я вызову сюда Дегтярева. Поверь, Александр Михайлович мастер допросов, он вытянет из тебя все нужное и ненужное.

В комнате стало тихо.

– Ну трендец, – прошептала Валя. – Теперича он ваще вон уйдет и пять дней из кабинета не вылезет.

– Ладно, – неожиданно улыбнулся Эрик. – Сам виноват! Я ориентирован на студенческую или научную аудиторию, приучен к уважительной беседе коллег, а вам более близок стиль базара. Попытаюсь общаться на вашем языке. Но все же постарайтесь соблюдать тишину, сделайте над собой усилие.

– Чтoб мне сдохнуть, если вякну! – торжественно пообещала Валя.

– Папулечка, говори, – попросила Арина.

Я промолчала.

– Панкрат мучился из-за того, что для сохранения книг прибег к черной магии, – спокойно, словно у нас не было скандала, завел Эрик. – Церковь сурово осуждает колдовство. Но, видимо, Варваркин был готов гореть в аду ради сбережения коллекции. Однако он решил предостеречь человека, который залезет в тайник. В своем дневнике Панкрат написал о том, что на стене пещеры оставил запись, в которой описан метод купирования последствий взлома. Первое: надо покаяться во всех грехах, ничего не забыть, выдать самые неприглядные тайны. Второе: если раскаяние будет полным, в дом вора придет колдунья Скавронская и принесет лекарство. Выпив его, человек заснет на двенадцать часов, а когда проснется, то забудет о происшествии, таким образом тайна библиотеки будет соблюдена. Мы только что наблюдали обещанное Панкратом развитие событий. Сначала Нине было плохо. Так?

Эрик посмотрел на меня.

– Скажи, она почти потеряла сознание? – настаивал он.

– Да, – пришлось мне признать. – Нина задыхалась, кашляла.

– Но стоило ей рассказать про украденный у тебя кошелек, как ее состояние резко улучшилось, – продолжал профессор, – и я понял, что сейчас придет Скавронская.

– Но это невозможно! – Ко мне медленно стало возвращаться умение здраво мыслить. – Панкрат давно умер, за-

клинательница тоже на том свете. Она никак не могла материализоваться в вашем доме.

Валентина ойкнула и быстро убежала из комнаты, а я заявила:

– В твоём рассказе концы с концами не сходятся. Если человек после приема снадобья заснет и проснется, забыв о тайнике, то куда денутся вынесенные им из пещеры книги?

Эрик заморгал.

– Они же останутся у похитителя, – продолжала я, – назад в ящики не телепортируются. Уже непонятно. Далее. Как призрак Скавронской найдет квартиру вора? И что, колдунья даже на том свете хранит бутылку с лекарством?

Профессор оперся руками о колени.

– Дарья. Это магия! Необъяснимое для разума явление! Ну, допустим, это зомби. Коим образом можно...

– Вот в случае с зомби как раз и можно, – кинулась я в драку. – Гаитянские знахари владеют секретами яда. Колдун опаивает человека, и несчастный делается очень похож на мертвеца, его хоронят, а затем выкапывают и получают вполне здоровое физически, но абсолютно безвольное, покорное чужим приказам существо.

– Значит, ты признаешь существование зомби? – удивился Эрик.

– Да, медики давно ездят на Гаити, изучают культ Вуду. Но, полагаю, до конца белому человеку не разобраться в черной магии, – ответила я.

– Тогда почему ты отрицаешь силу русских ведьм? – удивился Эрик. – Издавна в деревнях жили умелые женщины-травницы, лечившие больных. А монахи? Ты не в материале, я же читал манускрипты и знаю, что при монастырях функционировали лечебные огороды, братья составляли микстуры, лепили пилюли, кое-кто из них достиг удивительных результатов. Есть сведения, что представители духовенства умели делать операции, даже брались за трепанацию черепа.

– Я не отрицаю траволечения, но...

– Но всякая медаль имеет обратную сторону, – иезуитским тоном перебил меня Эрик. – Наперстянка помогает при больном сердце, но может и убить. Весь фокус в дозе: пять капель или пять литров. А насчет заговоров... Умение «заговорить» грыжу или зубную боль не редкость. Тут, в Киряевке, жила некая Антонина, к ней со всей Московской области ездили. Редкостных способностей была старуха. Она мне один раз приступ мигрени сняла – чего-то пошептала, дунула, плюнула, и боль ушла. Можно верить в знахарство, можно считать его мошенничеством, но оно существует. Панкрат сумел найти сильную колдунью, вот и весь ответ. Нина завтра проснется здоровой. Кстати, мы теперь можем спокойно идти в пещеру. Заклятие срабатывает лишь один раз.

– Почему? – шарахнулась к стене Арина. – И зачем туда шлепать?

– Там коллекция. Боже! – закричал Эрик. – Я только сей-

час сообразил – книги! Они лежат в ящиках! Огромное научное богатство! Скорей, несите фонари! Нет, нет, опасно так сразу, свет может разрушить бумагу... О! О! О!

Продолжая кричать, Эрик опрометью бросился вон из комнаты.

– Немыслимо, – прошептала Арина.

Я закивала, потом подскочила в кресле, как укушенный змеей заяц.

– Куда делась колдунья?

– Она же давно умерла, – напомнила Арина.

– Знаю, – отмахнулась я, – имею в виду сегодняшнюю тетку со склянкой. Мы совсем о ней забыли! Кричали тут, требовали у Эрика объяснений, а следовало поговорить с дамой. Извини, при всем моем уважении к народной медицине, я не верю в призраки. Сюда приходила вполне живая женщина.

– Представим на секунду, – залязгала зубами Арина, – что папа сказал правду, и к нам заявился дух Софьи Скавронской. Но за каким чертом ему звонить в дверь? Насколько я помню из художественной литературы, всякие там демоны и иже с ними материализуются прямо в комнате, им никакие двери не помеха. А Скавронская позвонила, и она общалась с нами. Нематериальная субстанция не расположена к контактам. Хотя я не специалист, просто читала книги, в которых действуют призраки.

– Где бутылочка? – очнулась я.

– Какая? – продолжала дрожать Арина.

– С остатками лекарства. Хм, похоже, дух утащил с собой пустой пузырек, – вздохнула я. – Очень предусмотрительно. Наверное, у них там, в преисподней, можно сдать бутылки.

– Ты о чем?

– Полагаю...

Договорить мне не удалось – в комнату ворвалась Валентина, за ней вошла старушка в черном платке.

– Иконы нет, лба не перекрестить, – безо всякой агрессии констатировала она.

– Это Лариса, – зачастила домработница, – пусть она на Нину глянет.

– Лучше дождаться врача, – твердо сказала я.

– Боишься, что я глазами дырку прожгу? – прищурилась бабка.

– Нет, – не дрогнула я. – Посмотреть можно, но издали. Руками ее трогать нельзя. И будить Нину не дам, равно как и не разрешу поить ее всякими там снадобьями. Хватит нам глупостей.

Лариса склонила голову набок и изрекла:

– А ей не выпить даже воды, не то что снадобья. Плохая совсем. И не спит она вовсе, на тот свет отходит, через пару часов будет покойница. Я здесь не помощница. Могу молитву прочесть, да только у вас иконы нету. Принесите божье изображение, и я останусь. Не захотите – уйду.

Арина зарыдала. Я вскочила, схватила Валентину за плечи, встряхнула ее и велела:

– Немедленно уведи старую каргу!

– Охохоюшки... – не обиделась Лариса. – Сама утопаю. А насчет карги ты зря, никто вечно молодой не остается. Старость не грех. И предупредить вас я должна: не спит хозяйка, она без сознания. Ей помощь нужна, но не моя. Оставьте ее так лежать – умрет.

– Валите обе отсюда! – пошла я вразнос. – Да что здесь происходит? Хоть один нормальный человек в доме есть?

Лариса глянула на меня из-под платка.

– Пойду, коли не понадобилась. Прощайте!

Не дожидаясь моего ответа, старуха шмыгнула в коридор.

Тут же раздался стук, шаги, и я с огромным облегчением увидела двух мужчин с железными ящиками в руках. До Кирьевки наконец-то доползла машина, на которой, словно в издевку, красовалась надпись «Скорая помощь». Учитывая, что после моего звонка диспетчеру прошло больше трех часов, таких врачей только за смертью посылать.

Пока прибывшие осматривали больную, мы с Ариной, обнявшись, стояли в коридоре. Потом доктор крикнул:

– Родственников можно?

Я быстро вошла в спальню.

– Слушаю.

– Мы не знаем, куда ее девать, – сурово сказал врач.

– Что с мамой? – заплакала Арина, вошедшая за мной.

– Дай ей там чего-нибудь, – мрачно приказал врач фельдшеру.

Тот послушно вытащил из чемодана пузырек и протянул Арине.

– Выпейте и успокойтесь, – сказал он. – Только с водой.

– Нине совсем плохо? – спросила я, когда Арина ушла на кухню.

– Вы ей кто? – задал вопрос врач.

– Близкая подруга, – пояснила я, – думается, единственный нормальный человек в доме. Нина выживет?

– К сожалению, я не имею необходимого оборудования, чтобы уточнить диагноз, – ушел от прямого ответа врач, – но чем быстрее мы доставим больную в специализированную клинику, тем лучше.

– Сюда долго ехали, назад будет еще хуже, – заявил фельдшер. – Попрем по шоссе, оно однополосное, пробка до Никологорска.

– Больница хорошая, – перебил его врач, – но, увы, у нас плохо с оборудованием. Хирург, правда, золотые руки и акушер гениальный, к нему даже из Москвы рожать тянутся.

– Акушер Нине без надобности! – взвилась я. – Сделайте что-нибудь!

– Ну... помочь мы должны, – без особого энтузиазма вклинился в беседу фельдшер. – Петр Сергеевич, может, ей укольчик какой сделать?

Врач нахмурился, я ощутила себя анемоном в пустыне. Ну какой толк в такой скорой помощи? Три часа ехала по вызову, столько же проплюхает назад. И даже не в состоянии

хоть чем-нибудь облегчить страдания больной.

– Сейчас! Сейчас! – закричала Арина, врываясь в комнату. – Ничего не колите! Очень близкий мне человек, Володя Королев, заведует отделением в клинике имени Родионова. Это огромная больница, слышали про нее?

– Конечно, – кивнул врач. – Вот у них небось все есть.

– Володя возьмет маму к себе и вылечит, – зачастила Арина, тыча пальцем в кнопки сотового. – Мама с ним даже встречаться не захотела, злилась, что Вова уже два раза разводился, но кто виноват, что ему стервы попадались? Вот как бывает, мама была против моих отношений с ним, а он ее спасет. И тогда мы поженимся... Вова! Алло! Случилось несчастье...

Я попыталась справиться с головокружением. Клиника имени Родионова – крупное лечебное учреждение, целый город, там огромное количество корпусов. Прав местный доктор, такая клиника, в отличие от сельской больнички, оснащена по последнему слову техники.

– Вова сказал: везите как можно скорей! – заорала Арина. – Живо, «Скорая», мы вам заплатим сколько хотите! Только едем в Москву!

– К завтрашнему утру как раз припррем, – вздохнул фельдшер. – Шоссе-то стоит. Хотя мы не прочь подработать...

– Что делать? – затряслась Арина. – Альтернативы нет, кладите маму на носилки!

И тут меня осенило.

– Вертолет! Он домчит Нину за считанные секунды!

Медики переглянулись.

– Круто, – хмыкнул фельдшер. – Но у нас нет летательного аппарата.

Теперь я схватилась за телефон. Только бы Макс ответил...

– Алло, – недовольно пробасил в трубку Полянский.

– Привет! – обрадовалась я. – Мне нужен твой вертолет.

– Отличное начало, – не замедлил съязвить бывший муж. – Не звонила год – и здравствуйте вам... Что случилось?

– Надо транспортировать в клинику больную женщину. Срочно!

– Надеюсь, у нее не чума?

– Инфаркт или инсульт. Это совсем не заразно. Макс, умоляю!

– Куда машину прислать? Диктуй адрес. Там есть площадка? – деловито спросил Полянский.

– Волейбольная? – не поняла я. – Зачем?

– Ну ёксель-моксель! Вертолету же сесть надо. На ровном месте.

– По дороге к деревне мы видели футбольное поле, – ожил врач.

– Есть! – закричала я. – Но не асфальт, просто лужайка. Записывай: деревня Киряевка.

– Сойдет, – согласился Полянский. – Сейчас он вылетит.

Я, правда, собирался в Тверь, летчик уже крылья намылил...

– Макс! Я тебе этого не забуду!

– Звучит впечатляюще, – отметил Полянский. – Тащи свою бабу на поляну, по карте до тебя лету семь минут.

За определенную мзду доктор и фельдшер согласились сопровождать Нину до приемного покоя.

– Ужасно, – шептала Арина, глядя, как устанавливают носилки внутри вертолета.

– Нас назад привезут? – спросил доктор.

– Да, не волнуйтесь, – пробормотала я.

– Похоже, никто кроме меня особо и не волнуется, – вдруг жестко сказала Арина. – Отец куда-то умчался. Его как будто обрадовало то, что случилось с мамой. Он словно ждал несчастья! Еще этот призрак. Интересно, привидение оставило на дверном звонке отпечаток пальца? Если так, то оно человек. Что-то мне не нравится происходящее... Совсем. Даша!

Я вздрогнула.

– А?

– Мы улетаем! Спасибо, спасибо, спасибо!

– Ерунда, поторопись, – отмахнулась я.

Арина села около мирно спящей матери, мне места не нашлось, поэтому, проводив глазами быстро удаляющуюся в небе точку, я вернулась в Киряевку. Входить в дом к Лаврентьевым и разговаривать с Эриком мне не хотелось. Не было даже желания забирать свою сумку. Но в ней лежали ключи,

права, паспорт, не говоря уже о косметичке. Я подняла руку, чтобы нажать на звонок, и внезапно замерла. Вспомнились слова Арины насчет отпечатков. Врачи не звонили, их привела Валя, проводив Ларису.

Быстро оглянувшись, я вошла в единственное распахнутое настежь окно первого этажа и очутилась в спальне Нины. Сердце сжалось – Валентина и не подумала убрать в комнате. Смятая постель, сдвинутые кресла, брошенные на пол пледы, пустые ампулы на тумбочке... Все говорило о том, что здесь случилось несчастье.

Я взяла свою сумочку, подошла к туалетному столику Нины и порылась в ящичках. Конечно, нехорошо без разрешения хозяйки шарить в ее вещах, но мне нужна пилочка для ногтей. Причем не новомодный вариант из стекла, а самая обычная железка с заостренным наконечником. И еще понадобится пакетик.

Глава 8

Отыскав необходимое, я через окно же вылезла в сад, сделала шаг и вдруг поняла, что кто-то держит меня за блузку. Мне стало не по себе, но потом я сообразила: около дома Лаврентьевых никого нет, я зацепилась одеждой за высокий шипастый куст, надо просто дернуться – и я обрету свободу, вот только кофта будет безвозвратно испорчена.

Я не принадлежу к армии неуправляемых шмоточниц, хотя и люблю красивые вещи, однако не делаю из них фетиш и никогда не стану рыдать над порванной юбкой. Но, как и у всякой женщины, у меня есть особо приятные сердцу наряды. Шелковую блузу, которая сейчас на мне, привезла из Лондона Маша. Мало того, что она идеально угадала размер, так еще блузка оказалась моего любимого нежно-голубого цвета, не мялась, не теряла форму и легко стиралась. Можно пролить на нее чай, кофе, кетчуп, красное вино, и вода все смое. Но если я сейчас рванусь вперед, шипы вырвут клоч... в общем, прощай блузочка!

Но из любого безвыходного положения всегда есть выход. Я уронила на землю сумочку, затем осторожно расстегнула пуговицы, аккуратно вылезла из кофточки и начала осторожно вытаскивать шипы из легкой ткани. Главное, не сделать зацепку и не порвать шелк, а маленькие дырочки можно потом ликвидировать.

В конце концов блузка очутилась в моих руках, я глянула на куст и расстроилась почти до слез – на ветке болтался довольно большой лоскут, ярко-розовый. Неужели я все-таки разодрала блузу? Но не стоит расстраиваться, всегда можно найти решение любой проблемы. Кстати, дырку на блузе можно прикрыть аппликацией. Или художественная штопка поможет. Не унывать – вот основной принцип борьбы с жизненными проблемами.

Я еще раз посмотрела на блузку, потом на лоскут. Что это со мной? Совсем перестала ловить мышей! Моя кофта голубая, а обрывок-то розовый! Ага, значит недавно под окном проходила женщина-призрак, она и порвала свой наряд. Конечно же, наше привидение вполне даже живое! Оно не только носило земную одежду, но и пило «колу», вон около куста валяется маленькая бутылка из-под напитка.

Отчего я решила, что «колой» баловалась «Софья Скавронская», а не члены семьи Лаврентьевых? Нина фанат здорового питания, она никогда не пьет никаких напитков, кроме минералки без газа, даже квас подвергла остракизму. Профессор не употребляет сладкую воду, Арина вечно сидит на диете, а у Валентины проблемы с желудком. Кроме того, никто из них не кинет мусор в тщательно ухоженном саду. Нет, тут топталась баба в розовом платье, она чего-то выжидала, пила газировку, швырнула пустую тару под куст и зацепилась одеждой за ветку.

Кстати, платьишко призрака было вполне современного

покроя, в таком спокойно можно пойти на вечеринку, а вот днем оно совершенно неуместно. У привидения явно плохо со вкусом! Зато у него, похоже, есть деньги. Материализовалось с того света, зарулило в бутик и купило платье. Прибарахлилось, так сказать. И трюк с маской, капроновой занавеской, прикрывавшей все лицо, кроме глаз, весьма хорош. Думаю, волосы дамы – это парик, но где его взять выходцу с того света? А там же, где потустороннее существо приобрело вечерний туалет – в модной лавке!

Я живо натянула кофту, очень аккуратно отцепила кусочек розовой, тоже шелковой ткани, сунула его в сумочку, в маленький кармашек на молнии, затем поднялась по ступенькам к входной двери и вытащила унесенные из столика Нины маникюрные ножницы и пилочку. Простите, дорогие хозяева, но вам временно придется потерпеть неудобства. Сейчас я скovyрну звонок, положу его в пакетик и прямоком поручу к Дегтяреву. Надеюсь, меня не долбанет током во время данной операции. Хорошо, что Лаврентьевы живут в богом забытой Кирьяевке и им в голову не пришло установить домофон или приобрести охранную сигнализацию.

По дороге в Москву я попала в многокилометровую пробку. Большинство автомобилей, продвигаясь вперед черепашным шагом, превращается в кипящие чайники, у которых паром сносит крышку, и водители похожи на медведей гризли. Хотя мало кто из вышеупомянутых мишек станет держать при себе бейсбольную биту. Вот и сейчас перед моей

малолитражкой разгорелась драка. Парень на красной «девятке» попытался пролезть в левый ряд, а мужик на экономичном автомобиле то ли китайского, то ли корейского производства счел действия юноши оскорбительными для своего достоинства и решил остановить наглеца. На мой взгляд, стоя в пробке, можно понять того, кто торопится. Если человек упорно втискивается перед вами, значит, у него дома остался включенным утюг или жена рождает. Остальным-то ясно, что суетиться в автомобильном коллапсе бессмысленно.

Но у мужчин свои обычаи, нам, женщинам, недоступен ход их мыслей. Ну почему надо беситься, если кто-то обошел тебя на дороге? Даже всегда невозмутимый Аркадий проявляет признаки беспокойства, поняв, что его «делает» какой-нибудь доморощенный Шумахер. И уж совсем необъяснимо для меня желание мужиков наказать тех, кто, по их мнению, едет слишком медленно. Сколько раз меня обходили машины отечественного производства, а потом не удалялись прочь, а начинали тащиться перед моим носом со скоростью двадцать километров в час. Я долго удивлялась таким выходкам, пока Зайка не объяснила суть происходящего.

– Тебя учат.

– Чему? – спросила я.

– Быстрой езде, – засмеялась Ольга. – Есть такие идиоты, им хочется, чтобы все летали со скоростью света.

– Но я же еду во втором ряду.

– Все равно!

– И негодуют лишь владельцы российских машин, – не успокаивалась я.

– За рулем пафосных иномарок в основном сидят профессиональные водители, – улыбнулась Ольга, – им с бабой за рулем смешно состязаться. Владельцы чуть более дешевых тачек, вроде «Форда», «Пежо», «Рено» и т. д., тоже не нервничают. А вот бродячий металлолом комплексует, ему хочется доказать свою крутость на дороге.

– Но почему надо упражняться на женщине? – пролепетала я.

– На ком же еще? – откровенно забавлялась Зайка. – Попробуй, сделай козью морду тонированному джипу. Он тебя вмиг нагонит, к обочине прижмет и насует в нос. Кстати, те ток на «Лексусах», «Бентли» и прочем пафосе такие уроды тоже боятся – еще запишет водительница номер и пожалуется тому, кто ей красивые колеса купил. Поэтому ты их самая лакомая добыча: блондинка на не очень шикарной иномарке.

После беседы с Ольгой я перестала удивляться странному поведению некоторых водителей-мужчин, в моей душе поселилась жалость к ним. Бедные! Если у них есть только один способ самоутверждения, то – на здоровье. Мне без разницы, в каком ряду и с какой скоростью ехать, пусть меня воспитывают сколько хотят, главное, чтобы им от этого стало легче. И еще я отлично понимаю: в пробке надо не злиться,

а заниматься делом: посылать смс, поправлять маникюр, перекусывать. Я давно завела термос и наслаждаюсь кофе при вынужденных остановках. Еще можно познакомиться с товарищами по затору – опустить стекло, поглядеть по сторонам. Совет хорош для тех, кто ищет мужчину, стопроцентно найдете кавалера...

Я откинулась на спинку сиденья. Кофе не хочется, романтическое знакомство мне без надобности, лучше подумаю о том, что случилось у Нины.

Лаврентьева пошла в пещеру, вытащила книгу и... заболела. Я не верю в заклятие, поэтому надо искать логичное объяснение произошедшему.

Эрик давно носился с идеей отрыть коллекцию Варваркина. Он только и говорил о коллекции Панкрата с тех пор, как обнаружил в архиве каталог собрания, и начисто потерял покой. Нина любит мужа, но она иногда обижается на него, ей хочется получить от супруга хоть немного любви и ласки, порой Нине кажется, что она кормит овсом деревянную лошадь, настолько Эрик эгоистичен. Но моя подруга прекрасно понимает: ее муж – талантливый ученый, энциклопедически образованный человек, думающий лишь о науке!

Легко ли жить с гением? Упаси господь от такого счастья! Все великие люди сродни детям, они хотят заниматься лишь своим любимым делом и точь-в-точь как малыши не думают ни о хлебе насущном, ни о деньгах, ни о квартплате, ни о других житейских мелочах. Около выдающейся

личности непременно присутствует жена, мать или сестра, которая обеспечивает гению комфортное существование. На мой взгляд, всегда находящимся в тени дамам, тоже следует давать Нобелевские премии. Да, ученый сделал выдающееся открытие, но что бы случилось с ним, не имей он рядом домработницу, няньку, психотерапевта, повара, прачку, секретаря в одном флаконе? Ни один наемный сотрудник не согласится исполнять такое количество обязанностей одновременно. На это способна лишь беззаветно любящая женщина.

Нина, правда, имела к Эрику никогда не высказываемые вслух претензии. Вчера ее прорвало, завеса чуть приоткрылась, и мне стало понятно, как измучилась подруга. Но Лаврентьева не перестала считать мужа гением, она ему верила и поэтому пошла в тайник. Эрик не ошибся в расчетах, Нина вытащила на свет бесценную книгу. Думаю, коллекционер Грегори Давиньон вмиг согласится отвалить за летопись целое состояние.

Но почему Нина заболела? Самый простой ответ: она уже была нездорова, а прогулка ранним утром и связанные с ней переживания обострили заболевание. Или другой вариант. Нина находилась под влиянием Эрика и в глубине души все же считала, что в истории с проклятием есть рациональное зерно. А в психологии известны случаи, когда руку человека прикладывали к чайнику с холодной водой, и бедняга получал ожог. В мозгу испытуемого срабатывала привычная мысль: чайник – значит, кипяток. Подопытный сам вызывал

у себя ожог. Способности человеческой психики пока плохо изучены. И ведь такая штука как плацебо работает! В глубине души подруга опасалась мести Панкрата Варваркина и верила в колдунью. И вот результат: самопроизвольно вызванный бронхит или воспаление легких.

Только я, в отличие от остальных действующих лиц, сохранила способность трезво мыслить. Явление призрака Скавронской не лезет ни в какие рамки! Кто такая женщина в розовом платье, представшая перед нами? Лица ее я не разглядела. Его закрывали пряди волос, челка и маска. Что она притащила в склянке? Похоже, мы все, находившиеся в спальне Нины, впали во временное безумие, если разрешили хозяйке дома взять бутылочку. Пришелица прихватила с собой пустую тару. С другой стороны, ведьма все же оставила следы. Арина права, звонок сам по себе не заработает. Пусть в лаборатории снимут с кнопки отпечаток пальца и прогонят его через базу данных, авось отыщется личность, исполнившая главную роль в спектакле. А еще розовый лоскут. Он висел на кусте недолго, скорей всего появился там сегодня в районе полудня.

Отчего я пришла к такому выводу? Вчера ночью шел сильный дождь. Впрочем, он моросил еще и утром. Когда я подходила к крыльцу дома Лаврентьевых, с крыши капало, но солнце уже вышло из-за тучи и стало пригревать. Шелковому обрывку не удержаться на кусте во время ливня, и уж совершенно точно он не сохранится чистым. Следователь-

но, незнакомка прошмыгнула под окном уже после непогоды. Смею предположить, что изображала привидение вполне реальная женщина. Кстати... Неужели колдунья при жизни ходила в одежде поросячьего цвета? Скорее всего, она носила черную одежду. И вот ведь ловкая особа. Воспользовалась тем, что мы бросились к Нине, и незаметно испарилась.

Течение моих мыслей прервал звонок мобильного.

– Мама в коме, – сообщила Арина, – без сознания. Ни на что не реагирует.

– Она жива! – обрадовалась я.

– Физически да, – заплакала Арина, – ее к аппарату подключили. Прогнозов никаких. Соображений по поводу того, отчего она впала в это состояние, тоже. Сейчас врачи делают всякие анализы, я сижу в коридоре.

– Езжай домой, – посоветовала я.

– Оставить маму одну? Нет.

– Ты ей ничем не поможешь. Нина не видит тебя.

– Я буду с ней разговаривать, – упорствовала Арина.

– Думаю, Нинуша тебя не слышит, – осторожно сказала я, – кома не дает человеку возможности общаться.

– Ты не врач!

– Верно.

– А медсестры сказали: необходимо сидеть и держать ее за руку, – кипятилась Арина. – Они видели, как люди неожиданно из комы выходят. Кое-кто из больных потом сообщал, что все чувствовал и понимал, но сказать не мог. В общем,

я с места не сдвинусь.

– Конечно, конечно, – поспешила согласиться я. – Привезти тебе поесть?

– Тут есть буфет. И люди очень милые, разрешили около мамы ночевать. Володя, мой жених, постоянно рядом, он здесь главный, обо мне все заботятся. Королев гениальный врач и непременно спасет маму. Ей станет лучше!

– Если Володя советует, то активно беседуй с Ниной. Она обязательно поправится! – оптимистично сказала я. – Вернется домой, обнимет Эрика, погладит Венедикта... Вот черт!

– Что случилось? – закричала Арина, у которой, похоже, нервы были натянуты как гитарные струны.

– Ерунда, какой-то идиот решил меня подрезать, – лихо соврала я, включая левый поворотник.

– Ты за рулем?

– Ну да, на шоссе.

– Тогда тебе лучше не болтать, – занервничала Арина, – я позвоню позже.

Я поставила трубку в специальную подставку на торпеде. Ее подарил мне Аркадий, и мне помимо воли приходится ею пользоваться. Я не люблю думать о мелочах, предпочитаю, завершив беседу, швырнуть сотовый на пустое сиденье, но Кеша аккуратист и пытается приучить окружающих, в том числе и меня, к порядку.

Я опустила стекло и помахала рукой машине из соседнего

ряда. Окошко иномарки приоткрылось.

– Что случилось? – спросила дама за рулем.

– Разрешите встать перед вами, – попросила я, – хочу развернуться.

– Пожалуйста, – кивнула она.

Я довольно ловко вклинилась перед милой особой, поморгала аварийкой и повторила трюк с окном. На этот раз откликнулся мужик в кепке.

– Че надо?

– Извините, там, впереди, разворот.

– И че?

– Пропустите меня, пожалуйста.

– Че?

– Мне надо повернуть.

– И че?

– Сейчас поток тронется, я не сумею выполнить поворот, подождите пару секунд, я встану перед вами.

– Офигела, что ли? Я тороплюсь.

– Всего несколько мгновений! Поеду перед вами только до разворота.

– Научись шоферить, а потом за руль лезь! – гаркнул мужик и закрыл окно.

Я вздохнула. Автомобили впереди ожили, хам ринулся вперед. Ну вот, теперь придется ехать до другого разворота...

Внезапно «газель» в левом ряду поморгала фарами. Я вы-

сунулась в окно – водитель, белобрысый парень, замахал руками. Полная благодарности к юноше, я перестроилась, развернулась и полетела назад в Кировку.

Очень хочется думать, что Нина скоро поправится, но от Оксаны я хорошо знаю: даже если Лаврентьевой удастся благополучно вынырнуть из комы, восстановление займет месяцы. Это только в кино человек, пролежавший десять лет без сознания, открывает глаза, выдергивает трубки, катетеры, капельницы и начинает на глазах у рыдающих от счастья родственников плясать джигу. В действительности такой больной похож на младенца, которого нужно заново учить ходить, говорить, есть и пользоваться туалетом. Чем дольше длится беспамятство, тем длиннее путь реабилитации. Так что мне сейчас надо забрать кота Венедикта – я же дала Нине обещание позаботиться о котяре, да вот в суете начисто о нем забыла. Эрик не замечает Веню, а вот Валя откровенно недолюбливает британца, утопит его и заявит:

– Удрал, назад не вернулся.

Глава 9

Путь до Киряевки занял считанные минуты (в ту сторону пробки не было), поэтому я нажала на газ и полетела птицей.

Дом Лаврентьевых оказался заперт – скорей всего Эрик и Валя поехали в больницу. Держа в руках тканевое одеяло, которое обычно лежит на дне багажника моей машины, я растерянно топталась у крыльца. Я очень хорошо знаю, что на открытой веранде есть стол, а на нем громоздится здоровенный подсвечник, и если поднять его, то найдешь под ним два ключа от дома...

И тут в кустах мелькнула черная тень.

– Веня! – огорчилась я. – Значит, Валентина уже выперла тебя. Иди сюда... кис-кис-кис...

Кот вышел из кустов и издал странное шипение. Подобный звук можно услышать, если капнуть холодной водой на раскаленную сковородку.

– Поедем в Ложкино, – засюсюкала я, – временно...

Венедикт прижал уши к голове, но я оказалась быстрой, словно молния. В мгновение ока руки набросили на кота голубеновую накидку, я схватила вырывающееся животное и поволокла в машину, ласково воркуя по дороге:

– Венечка, мы же хорошо знакомы! Почему ты, всегда спокойный и апатичный, превратился в гиену? Мальчик, тихо...

Наверное, Венедикт узнал мой голос, потому что затих. Я положила спеленутое животное на заднее сиденье и решила ехать прямо в Ложкино. В конце концов с Дегтяревым можно поговорить и дома. На часах восемь, полковник наверняка уже едет домой. Пока я доеду до родных пенат – начнется программа «Время». Сумасшедший июльский день пролетел с невероятной скоростью.

Подкатывая к дому, я с радостью отметила, что у Дегтярева в окне горит свет. Значит, Александр Михайлович и правда вернулся. Оставив машину прямо у парадной двери, я, благополучно ни с кем не столкнувшись, влетела без стука в просторную спальню толстяка, увидела открытую балконную дверь и крикнула:

– Ты здесь?

С балкона донеслось покашливание.

– Речь пойдет о сокровище, – я решила сразу заинтриговать толстяка. И, медленно подходя к двери, продолжила: – Оно спрятано в тайнике и представляет собой невероятную ценность. Коллекция стоит миллионы в валюте. Самое интересное, что никто не верил в его существование, но оно уже обнаружено! Представляешь? Миллионы! Осталось лишь... Ой! А где Дегтярев? Вы кто?

Широкоплечий мужчина, стоявший на балконе, откашлялся и произнес:

– Я Витек, здрассти.

– Как вы сюда попали?

– Ну... типа... вышел... курнуть...

– Курнуть? – в изумлении повторила я. – Простите, но у нас дома не курят.

– Сеструха разрешила тут пристроиться.

– Кто? – еще больше растерялась я.

– Дык, она... ну... грит... вали на воздух... того... самого... Леська уся позеленела, я и сбег. Понятно? Во, сеструха! Привет! Тока не орите! Я ж на воздухе!

Мой нос уловил аромат знакомых духов, и тут же за спиной раздался голос Ольги:

– Ну сколько раз нужно повторять? Курение вызывает рак легких. А непогашенный окурок может стать причиной пожара. Даша, ты же обещала бросить курить!

– Это он, – ткнула я пальцем в мужчину. – Вот, смотри, у меня нет никаких сигарет в руках.

– Раки хороши к пиву, – невпопад заявил Витек, потом швырнул окурок в сад. – Опаньки! И у меня ничего нету. Не злись, сеструха! Мужикам надо прощать, а то бобылкой останешься.

Я заморгала. Значит, Витек – брат Зайки? Ну и ну... Интересно, как Ольга отреагирует на поведение родственника?

– На минуточку... Мужик мой! – визгливо заявила маленькая женщина, вкатываясь в спальню Дегтярева. – И нечего к нему приматываться! Эка беда, покурил. На улице стоял, не в доме стены коптил. Больно ты, Ольга, вредная.

Один раз за скока лет приехали, и сразу гонором давишь... Пользуешься, што нам деваться некуда? Ох, предупреждала ж мамонька: не связывайся с богатыми, они вас за човеков не посчитают, олимдархи.

– Олигархи, – по преподавательской привычке поправила я, удивляясь странному поведению Зайки – та стояла, опустив глаза в пол.

– Жизнью тебе спасли, и че? Каковскую благодарность ты выразила? – завершила выступление тетка.

– Хорош гундеть, – оборвал ее Витек, – спать охота, пошли. Спокойных вам снов.

– Доброй ночи, – старательно играя роль гостеприимной хозяйки, ответила я, – надеюсь, вам будет удобно на новом месте.

Когда странная парочка исчезла в коридоре, я не удержалась и спросила Ольгу:

– Это кто?

Зайка села на кровать Дегтярева.

– Сразу и не объяснить. Я ведь росла в Москве, мама уже потом в Киев переселилась. А папа – в смысле родной, а не отчим, который меня воспитал, – уехал в маленький город, закрытое поселение с оборонным заводом. Мама с бывшим мужем сохранила хорошие отношения, да и отчим с ним нормально общался. Папа умер, когда мне исполнилось десять, и пока я была маленькой, меня отправляли к отцу на лето. Замечательное место, кстати, очень спокойное – охра-

ны больше, чем жителей, лес, река и снабжение продуктами намного лучше московского. Дети одни везде бегали, кроме территории завода, конечно. Ну вот, однажды мы купаться пошли, а мне семи лет не было. Знаешь, какие речки на Урале? Быстрые и очень холодные, местные ребятишки к ним привыкли, а я из Москвы... В общем, шагнула в ледяную воду, на камнях поскользнулась, упала, меня и понесло течением. Что дошкольники могли сделать? Кричали, а взрослых никого поблизости нет. Видно судьба была мне утонуть... И тут откуда ни возьмись Леша Парамонов, ему четырнадцать стукнуло, по местным меркам совсем взрослый. Он меня вытащил, да еще искусственное дыхание сделал. Короче говоря, спас. Вот папа потом торжественно и объявил: «Вы теперь родственники».

– Ясненько, – протянула я. – Но ведь твоего спасителя звали Алексеем, а к нам прибыл Витя.

– Это его брат, – пояснила Зайка. – Лешик давно в Америке, бизнес там организовал, иногда звонит, а Виктор захотел в Москву съездить, жене столицу показать. Мне трудно Алексею отказать и...

– Не надо ссориться с человеком, который спас тебе жизнь, – улыбнулась я. – Витя милый, он просто не знал, что у нас в доме не курят. Кстати, где Дегтярев?

– В Питер уехал, – пояснила Ольга, – его Тема с собой взял, на неделю.

– Зачем? – изумилась я.

Зайка скорчила гримасу.

– Оказывается, полковник ни разу не был в Эрмитаже.

– Думаю, толстяк не очень страдал по этому поводу, – опрометчиво заявила я.

– Человек обязан культурно развиваться! – возмутилась Ольга, – Александр Михайлович закоснел, никакого умственного прогресса, думает лишь о работе!

– Полагаю, ты ошибаешься насчет умственного прогресса, – вступилась я за приятеля. – Кто-кто, а полковник постоянно совершенствуется по службе.

– Речь идет о духовном развитии, – тряхнула белокурыми локонами Ольга. – Дня три назад пришла к нам в гости моя приятельница, Роза Гаврилова, ну и зашла беседа о литературе. Розка возьми да и спроси у Дегтярева: «Нравится ли вам Коэльо?» Знаешь, каков был ответ?

– Сомневаюсь, что Дегтярев видел хоть одну книгу писателя, – вздохнула я. – Но Александр Михайлович не стал от этого хуже, Коэльо не Библия, нет необходимости всем его читать. Равным образом вовсе не все поголовно должны восхищаться Малевичем, лично я, например, не нахожу в «Черном квадрате» ничего выдающегося. Даже больше скажу: нарисовать геометрическую фигуру способен каждый, а вот изобразить мишек в лесу гораздо труднее.

– Ужасно! – закатила глаза Зайка. – Надеюсь, ты шутишь?

– Нет, – покачала я головой, – просто не понимаю, почему до сих пор никто не начертил красный круг или синий

треугольник.

– Ладно. В конце концов, каждый имеет право на собственное мнение. Однако хоть ты и не понимаешь творчество Малевича, но хоть слышала его фамилию, – улыбнулась Зайка. – И не назовешь Коэлью композитором!

– Конечно, нет, – согласилась я. – Правда, я не разделяю восторга по поводу его книг. На мой взгляд, они скучные и скомпилированные.

– Детективы веселей, – Заюшка не упустила момента меня подколоть. – Но речь идет не о тебе, а о Дегтяреве. Полковник услышал вопрос Розы и заявил: «Коэлью? Не хочу никому портить аппетит, но я не люблю блюда, в которые намешивают одновременно курицу, мясо, рыбу и рис с креветками. Лучше по отдельности эти продукты поглощать. Не желаю коэлью, предпочитаю обычные котлетки!»

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.